

Бригадир державы

Сергей Шхиян

Кодекс чести

2005

Шхиян С.

Кодекс чести / С. Шхиян — 2005 — (Бригадир державы)

Он хотел всего лишь съездить на пикник. Но врата времени открылись и забросили его в далекое прошлое. И теперь он не простой российский парень. Он – БРИГАДИР ДЕРЖАВЫ. В его руках – штурвал истории. В его памяти – будущее России...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	28
Глава пятая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей ШХИЯН

КОДЕКС ЧЕСТИ

Глава первая

Солнечный луч пробился сквозь щель в занавеске, поблуждал по подушке и нашел мои закрытые глаза. Чтобы избавиться от него, я повернулся на бок и проснулся.

«Стреляемся с десяти шагов», – почему-то всплыла в голове отчетливая мысль.

«Что за бред, с кем это я собрался стреляться?» – подумал я, сладко потягиваясь. В голове постепенно прояснялось, я вспомнил события вчерашнего вечера и подскочил на кровати. Это не сон. В восемь часов утра у меня должен состояться поединок.

Я спустил ноги с кровати, окончательно разодрал глаза и почувствовал легкий озноб. В голове была звенящая пустота, во рту и желудке всё, что полагается после неумеренного потребления горячительных напитков. «Зря я мешал водку с „Мальвазией“ и ликерами, – самокритично подумал я. – Эх, сейчас бы холодного пивка и горячую ванну!» – однако, всё это были неосуществимые мечты, мне оставалось только тяжело вздохнуть, встать и быстро одеться. Было четверть седьмого утра, и времени до начала дуэли оставалось совсем немного. О том, чтобы опоздать, не могло быть и речи.

Я вышел из своей комнаты и отправился на кухню поправлять здоровье. Кухарка, как показалось, неодобрительно посмотрела на мою опухшую личность, сочувственно усмехнулась и сбегала в погреб за кружкой огуречного рассола. Кисло-соленая животворящая субстанция потекла в горло, заливая в желудке пожар местного значения. После первой половины кружки на небе алмазы еще не появились, но солнце приобрело яркость, а лицо кухарки стало значительно приятнее и доброжелательнее.

– Сбегай на конюшню, позови моего слугу, – попросил я мальчишку, помогавшего стряпухе на кухне, – и скажи ему, пусть прихватит пистолеты.

Когда он услышал про оружие, у мальчика от восторга загорелись глаза, и он бросился выполнять поручение. А я мелкими глотками допил остаток.

– Еще рассольчику, барин? – сочувственно спросила добрая женщина.

– Спасибо, Марфа, пока не нужно, – поблагодарил я. – Приготовь мне завтрак. Я буду у себя.

Мой условный слуга Иван пришел через три минуты.

– Звал, ваше благородие? – спросил он, без стука входя в комнату. С тех пор, как по приказу императора Павла арестовали и увезли в Санкт-Петербург мою жену, Иван игнорировал условности и заходил ко мне по-свойски.

– Принес пистолеты?

– Ты что, по мишеням стрелять собрался? – удивился он. – Какие теперь забавы, нам нужно готовиться к отъезду.

– У меня через час дуэль, так что сборы временно отменяются.

– Ишь ты! – воскликнул беглый солдат и присвистнул от удивления. – Когда же тебя поссориться угораздило? Говорил я тебе, Лексей Григорыч, не след назад ворочаться, пути не будет! Не послушался! И так бы коляску починили, любо-дорого! В любом селе кузнец есть! Ты всё над приметами смеешься! «Глупости и предрассудки», вот тебе и глупости! И где это ты так поссориться сумел, чтобы на пистолетах драться? Никак вчера вечером в гостях у уездного начальника?

– Да, так уж получилось. Я встретил у Киселева отчима той девицы, которую мы спасли, ну, и мы немного повздорили...

– Это какой-токой девицы? Той сублильной сироты, которую отец ради имени отправил на смерть к оборотню?

– Его. Во время застолья, рассказал про тот случай, а оказалось, что среди гостей был изверг-отчим. Ну, слово за слово, тот, конечно, начал всё отрицать и обвинять девушку, что она, мол, развратница и убежала из дома с любовником. Я был уже порядком пьян и немного не сдержался...

– По-дворянски перчатку бросил, или по-простому – морду набил? – поинтересовался Иван, не любивший «тонное обращение» привилегированного сословия.

– Попросту. Короче говоря, так получилось, что оскорбил его я и оружие выбирал он – так что придется теперь стреляться.

– Обьегорили тебя, Лексей Григорыч, оно и понятно, как ты двух офицеров в поединке на саблях поранил, с тобой фехтовать боле никто не захочет. И какие условия?

– Как будто, стреляемся с десяти шагов.

– Ну, это невелика печаль, подстрелишь душегуба, и вся недолга.

– Еще кто кого подстрелит. Он отставной полковник и говорят, отлично стреляет. Да ты, может быть, его знаешь, он в осаде Измаила участвовал. Чириков, его фамилия.

– Чириков, говоришь?

Иван задумался, припоминая знакомых офицеров, воевавших с ним под Измаилом.

– Не командиром ли он был второго батальона 11 Псковского пехотного полка?

– Этого я не знаю. Зовут его, кажется, Петром Петровичем.

– Имени того батальонного не помню, но на личность узнаю. Если это тот Чириков, то, как есть, натуральный зверь. Солдаты от него кровавыми слезами плакали. Тот не то что падчерицу на убийство мог отдать, он бы и своих родных деток за целковый не пожалел. Ты уж постарайся, Лексей Григорыч, не осрамысь. А то знаю я тебя, как душегуба прикончить, ты сразу в тоску впадаешь.

– Да брось ты из меня рефлексивного интеллигента делать, когда нужно бывает, я не очень-то церемонюсь.

– Обожаю я тебя слушать, – засмеялся Иван, – о чем говоришь вроде понятно, но ни одного слова уразуметь невозможно!

– Ладно тебе смеяться, дуэль ровно в восемь, а я еще не завтракал, да и после вчерашнего голова трещит.

– Чего тебе о завтраке думать, ежели вскорости помирать собрался! Стреляться-то по жребии будете или от барьера?

– Не помню, вчера наше возвращение так широко отмечали, что детали я нечетко запомнил. Кажется, всё-таки, от барьера. Это Антон Иванович договаривался с секундантом Чирикова, нужно будет у него спросить.

– Коли от барьера – это хорошо. Подойди первый и целься в изверга, как в мишень. – Иван вытащил пистолеты из ящика. – Как будешь изверга класть, насмерть или подранишь? Ежели насмерть, то я полным зарядом пороха заряжу, а коли ранить – то половинным.

– Заряжай полным, как обычно на стрельбище заряжал. Лечить этого Чирикова у меня нет никакой охоты, слишком мерзкий тип. К тому же если он выкрутится, то падчерицу обязательно со света сживет, а девчонке и так лихо досталось. Имение, в котором девушка с матерью и отчимом живут, ей от отца досталось, вот Чириков и решил от хозяйки избавиться. А то вдруг выйдет замуж и погонит его поганой метлой.

Только чего делить шкуру неубитого медведя, он меня может так же легко подстрелить, как и я его.

– Не скажи, ваше благородие! Он, поди, трусит: после того как ты столько разбойников поубивал, да оборотня в болотной крепости со всеми слугами живьем сжег, о тебе дурная слава идет...

– Этого ты мне не приписывай, – возмутился я, – никого я не жег. И вообще, мне сдается, что крепость вы с кузнецом Тимофеем спалили. Тоже мне, народные мстители!

– Не пойман – не вор, – ухмыльнулся Иван. – Слава-то не про нас, а про тебя идет. А на всякий роток не накинешь платок. Говорят, что ты с нечистым дружбу водишь, коли никто с тобой совладать не может.

– Ну и что, мало ли что темный народ болтает!

– Так и тот Чириков о твоей славе слышал и теперь как осиновый лист трясется. Вот и пусть у него рука с пистолетом дрожит, авось промажет!

– Не похоже, что такой затрясется – такое наглое мурло! На труса он, по-моему, не похож. Даже драться полез. Ну, что там с завтраком копаются, – перевел я разговор с неприятной темы, – уже десять минут восьмого!

– Сейчас потороплю стряпуху, – пообещал Иван, надевая шапку. – Ты без меня ешь, мы уже позавтракавши, а я пока пойду, пистолеты заряжу и кремни проверю.

Иван ушел, а я, пока не принесли еду, успел умыться и почистил зубы. Зубная паста у меня давно кончилась, теперь я пользовался толченым мелом. Черный зубной порошок, состоящий из древесного угля и толченых устричных раковин, который был здесь в ходу, мне не нравился. Наконец кухонный мальчик принес завтрак. В доме оброчного крепостного крестьянина Котомкина, державшего в уездном городе Троицке портняжную мастерскую, дворянских разносолов не готовили, но кормили вкусно и сытно. Несмотря на похмелье, я с удовольствием съел кусок теплого пирога с рыбой, пирожки с капустой и картофелем (день был постный – потому скоромного не подавали), и запил всё это кислым клюквенным киселем. На еду у меня ушло минут пятнадцать и еще осталось время выкурить последнюю трубку. В Троицке, маленьком заштатном городке, всё было рядом, в том числе место за городской околицей, где происходили редкие в провинциальной жизни поединки. Мне уже однажды пришлось драться на дуэли с подосланными бретерами, так что просчитать, сколько требуется времени на дорогу, случай был. Неспешным шагом, через огороды и пустырь, идти нужно было минут пятнадцать. Мы с Иваном вышли без двадцати восемь и немного раньше времени подошли к условленному месту.

Противники, Чириков и его секундант небольшого роста помещик с большими носом и усами, были уже на месте и стояли к нам спиной, глядя на дорогу. Мой же секундант, поручик лейб-гвардии егерского полка Антон Иванович Крылов нервно прогуливался по поляне и, увидев нас, удивился:

– Вы почему без экипажа?

– Зачем он, я рядом живу.

– А если тебя ранят?

– Если да кабы, – небрежно ответил я.

Антон Иванович, тоже с похмелья, был мрачно настроен и шутивого тона не поддержал.

– Если этот ферт тебя убьет, я его сам вызову, – сообщил он. – Не нравится мне ваша дуэль, ты всё-таки штафирка, а Чириков хоть и пехотный, но боевой офицер.

Назвать «фертом» крупного с суровым лицом отставного полковника было большой натяжкой.

– Господин, как там тебя, – пробормотал поручик, забыв фамилию секунданта. – Господин секундант, пора начинать!

Противники оглянулись в нашу сторону, и лица их вытянулись: видимо, не ожидали такого неуважительного к себе отношения – когда участник дуэли буднично пришел на поединок пешком. У Чирикова под глазом был фонарь и разбиты губы. Смотрел он форменным зверем и не потрудился ответить на мой легкий поклон.

Антон Иванович сошелся с секундантом посередине поляны, и они начали обговаривать детали поединка. Мы с Иваном стояли на своей стороне и обсуждали Чирикова.

– Кажись тот самый и есть, из 11 Псковского, только мордой и постарел, бакенбард отпустил. Ишь как смотрит-то зверем, сожрать готов. Бей его, ваше благородие, не сомневайся, его даже Суворов-Рымнинский за зверства над солдатами и пленными турками корил. Пустой человек.

– Чего это они тянут? – спросил я, наблюдая за оживленным разговором секундантов.

– Мало ли чего, – ответил на мой риторический вопрос солдат, – Антону Иванычу след твой интерес блюсти, ты всё-таки его потомок!

– Пойди, послушай, о чем они там спорят, – попросил я.

– Это можно, – согласился Иван и подошел к секундантам.

Чириков, между тем, попугав меня горящим взглядом, отвернулся и рассматривал старинный острог, где я, столкнувшись с сектой сатанистов, чуть не погиб и, кстати, спас беглого солдата Ивана, который теперь для конспирации изображал моего слугу.

Послушав разговор секундантов, солдат вернулся ко мне:

– Батальонный не хочет сюртук снимать, а наше их благородие одетым драться не допускает. Секундат ихний говорит, что полковник свежести бояться, а какая нынче свежесть – теплынь!

– Какая разница, – удивился я, – пусть в сюртуке стреляется.

– Видать, есть разница. Может, он под него панцирь надел! Скверный человек батальонный, может и на военную хитрость пойти.

– Разве на дуэли такое возможно? – поразился я. – Он же честь потеряет!

– Можно потерять то, что есть, а чего нет, не потеряешь, – сделал неожиданный для меня философский вывод солдат.

– Это понятно, но если такое узнают, он сделается изгоем, его ни в один приличный дом не пустят.

Иван хотел что-то ответить, но не успел. Секунданты окончили переговоры и разошлись.

– Сюртук Чириков не хочет снимать, – возмущенно сообщил Антон Иванович, – зябко ему, видите ли!

– Думаешь, панцирь надел?

– Не знаю, что он там надел, но со вчерашнего вечера почему-то потолстеть изволил.

– А какие условия дуэли? Я вчера был немного того, не в себе, не запомнил, – спросил я.

– С десяти шагов от барьера. Я бы с таким выродком через платок стрелялся! Ладно, пойду, они, кажется, до чего-то договорились.

Секунданты вновь сошлись, но в этот раз разговор был краток.

Антон Иванович вернулся, обескуражено качая головой:

– Господин Чириков признает, что вчера погорячился и согласен принести тебе свои извинения! Что ты на это скажешь?

– Что значит, погорячился? – удивился я. – Он назвал меня лжецом!

– А ты набил ему морду, – усмехнулся поручик. – Будешь принимать извинения? Если не захочешь стреляться, то я сам его вызову! Не нравится мне этот детоубийца!

– Конечно, буду, из-за этой дурацкой дуэли мы сегодня не уехали! Да и девочку жалко, он ее непременно изведет.

– Вот и ладно, а то моду взяли с битой мордой извинения просить! Хотя, чего с него взять, коли чести нет – пехота!

Антон Иванович вновь подошел к секунданту Чирикова, и они опять принялись о чем-то спорить. Наконец дело сдвинулось с мертвой точки. Поручик воткнул в землю палаш и начал мерить шаги. Чириков по-прежнему не поворачивался в нашу сторону и делал вид, что внимательно рассматривает бревенчатый замок.

– Оробел, видать, батальонный, – удовлетворенно заметил Иван, – под пулей стоять это тебе не солдатам рыла чистить!

Отсчитав десять шагов, секунданты воткнули в землю вторую саблю. Потом начали мерить равные расстояния от начала схождения до барьеров. Когда приготовления были окончены, осмотрели оружие. Каждый участник должен был стрелять из собственного пистолета.

– Господа, – нарочито громко сказал Антон Иванович, – снимите верхнее платье, и прошу занять свои места!

Я быстро снял сюртук, передал его Ивану и отправился на исходную позицию. Несмотря на уверенность в своих силах, внутри было как-то зыбко, и холодело под ложечкой. Возможно, не от робости, а с похмелья.

Противник, наконец, оторвавшись от созерцания окрестных красот, начал стягивать с себя просторный сюртук. По ним у него оказалась не рубаша, а жилет странного покроя.

– Жилет тоже снимать! – крикнул с нашей стороны поручик.

Секундант противника, как мне показалось, хотел возразить, но, внимательно посмотрев на утепленного дуэлянта, опустил голову и сказал тому что-то краткое и резкое.

Чириков пожал плечами и начал неловко снимать и этот элемент одежды. Мы внимательно наблюдали, как он неспешно расстегивает пуговицы и стаскивает с плеч странное одеяние. Жилет мялся и стоял колом, напоминая женский корсет, похоже было на то, что хитроумный душегуб пришел на поединок в самодельном бронежилете – вшил между двумя слоями материи металлические пластины.

Секундант Чирикова, которому вблизи было хорошо видно, как утепился зябкий дуэлянт, выглядел смущенным и рассерженным. Видимо, ухищрения отставного полковника были и для него полной неожиданностью.

Наконец наши секунданты сошлись в стороне от траектории выстрелов и обменялись несколькими репликами. Носатый арбитр громко сказал:

– Господа, готовьтесь, по команде начинайте сходитьсь!

Я опустил оружие стволom вниз и расслабил руку. Пистолет у меня был надежный и хорошо пристрелянный, так что попасть в цель с десяти шагов было не проблема. Главное, чтобы раньше не попали в меня. Антон Иванович вытащил из кармана платок и поднял вверх руку:

– Раз! Два! – начал считать он и остановился. – Это еще что такое!

Все оглянулись в сторону дороги, откуда послышался стук копыт. К нам приближался нежданный гость – уездный начальник, надворный советник Киселев.

– Господа, немедленно прекратите! – закричал сердитым голосом старик, останавливая лошадь и сползая с седла на землю. – Стыдно, Алексей Григорьевич и Петр Петрович, вы это что такое надумали! Вы что, забыли манифест 1787 года, яко слушники законов!

– Александр Васильевич, о каких нарушениях закона вы говорите? – удивился секундант Чирикова. – У нас здесь загородная прогулка.

– Вы, господа, за такую прогулку, «яко нарушители мира и спокойствия» и подвергнетесь лишению всех прав и ссылке в Сибирь на вечное жительство. А коли поубиваете друг друга, то вызвавший нанесения раны, увечья или убийство, будет судим как за умышленное причинение этих последствий. Немедленно подайте друг другу руки и поехали ко мне пить мировую! Мне нынче поутру прекрасную водку привезли, потому я к вашему ристалищу задержался, чуть смертоубийство не допустил! Стыдно по пустяшным ссорам стреляться!

– Извините, Александр Васильевич, – сказал я, не отвечая на улыбку Киселева. – Ссора у нас не пустяшная. Если хотите дело миром кончить, то арестуйте господина Чирикова за попытку убийства падчерицы, в чем свидетели мы с моим камердинером. А не хотите с судом возиться, не мешайте нам рассудить дело по божьему промыслу.

– Какой падчерицы? – удивился Киселев. – Той, что с гусаром убежала?

– Это господин Чириков объявил, что она убежала, а сам отдал ее управляющему имением Завидово Вошину, чтобы тот ее убил.

– Бог с тобой, Алеша, что это ты такое говоришь! Петр Петрович, неужто это правда?!

– Богом клянусь, Александр Васильевич, чистая клевета и навет! Оговорил меня господин Крылов, не знаю только, по ошибке или злему умыслу. Не было такого.

– Не верите про падчерицу, посмотрите, в каком жилете господин Чириков хотел честь свою защищать, – вмешался в разговор Антон Иванович. – Коли Алексей откажется стреляться, я сам потребую у полковника сатисфакцию.

– Что за жилет такой? – заинтересовался Киселев, перестав улыбаться.

– А вы сами взгляните, – пригласил поручик, указывая на лежащее на траве платье.

Надворный советник подошел к одежде и взял в руку жилет. Подержал его в руках, пощупал и отбросил в сторону. Мрачно взглянул на стоящего в одной рубахе Чирикова.

– Да-с, нехорошо-с. Ладно, господа, не буду вас отвлекать от прогулки. Только ежели будет охота забавляться с пистолетами, не пораньтесь ненароком. Честь имею кланяться.

Больше ни на кого не глянув, Киселев сел на лошадь и ускакал в сторону города.

Чириков совсем сломался. Похоже было на то, что, как исключение, зло не восторжествовало, а оказалось наказано. Чем бы теперь ни окончилась дуэль, у отставного полковника шансов сохранить лицо и выкрутиться больше не было. К вопросам чести в XVIII веке в русском обществе относились серьезно.

– Господа, займите свои места! – опять приказал усатый секундант.

Мы вернулись на исходные позиции.

– По команде сходитесь, – крикнул поручик, поднимая руку с платком. – Раз, два, три!

Мы с противником направились к отмеченным саблями барьерам. Я сосредоточился, руку не напрягал, двигался расслабленно, чтобы не включалось воображение и не повышался адреналин в крови. Однако всё равно ощущения были весьма неприятные. Даже во рту пересохло.

Чириков шел немного быстрее меня и начал наводить пистолет, как только тронулся с места. Вопрос был в том, когда он решится выстрелить. За два шага до барьера я поднял руку и начал целиться. Ствол почти не дрожал, может быть, чуть больше, чем при обычной стрельбе по мишеням.

Лица противника я не видел, только грудь с распахнутой нижней рубашкой голландского полотна, сквозь которую была видна волосатая грудь. Держа грудь на мушке, я начал медленно выжимать спусковой крючок, но тут треснул выстрел, и мне показалось, что между левой рукой и грудной клеткой воткнулась раскаленная палка. Меня покачнуло, рука инстинктивно дернулась, но я успел ослабить палец на курке и не выстрелил.

Теперь спешить больше было некуда – выстрел был за мной.

Противник быстро повернулся правым боком и прикрыл лицо и голову пистолетом. Это не противоречило правилам. Я чувствовал, как по руке и боку течет кровь, но не отвлекался на такие мелочи. Опять держал цель на мушке и медленно выжимал свободный ход курка. Мушка гуляла где-то подмышкой у Чирикова. Наконец щелкнули кремни, вспыхнул порох на полке, и с секундной задержкой пистолет выстрелил. Я медленно опустил руку.

Чириков по-прежнему неподвижно стоял на месте, не опуская руки с пистолетом. Потом медленно повернулся ко мне. Я впервые посмотрел на его лицо. На нем застыла удивленная гримаса. Он открыл рот, как будто собираясь что-то сказать, но не сказал и начал шататься.

– Ты был не прав, – совсем тихо, так что расслышал его только я, произнес он. Глаза его подкатились, и он тяжело упал на траву.

Секунданты пошли к нам и мельком глянув на мою красную на боку рубаху, направились к лежащему в неестественной позе Чирикову.

– Кажется, убит наповал, – негромко сказал его секундант. – Дуэль прошла по всем правилам, и у меня к господину Крылову никаких претензий нет.

Антон Иванович согласно кивнул и наклонился над телом.

– Прямо в сердце, – сухо сказал он, рассматривая небольшую красную дырочку на боку полковника. – Вам помочь погрузить тело в коляску?

– Буду весьма признателен, – ответил секундант. – Однако, кажется, и господину Крылову требуется помощь, он ранен.

Действительно помощь мне была нужна. После нервного напряжения я почувствовал слабость, закружилась голова, и чтобы не упасть, я вынужден был сесть на землю.

Иван и предок бросились ко мне.

– Что с тобой? – в один голос спросили они.

– Ничего, немного закружилась голова, – ответил я, вставая на ноги. – Во всяком случае, мне много лучше, чем Чирикову.

По поводу удачного выстрела у меня никаких угрызений совести не проявилось. Главное, что не в чем было себя упрекнуть.

– Коли так и вам легче, позвольте попросить вашего секунданта и слугу погрузить тело на коляску, – изысканно вежливо попросил усатый секундант. – И если вы сочтете возможным, дабы бы не порочить память умершего, прошу не разглашать историю с особым жилетом. Думаю – это была минутная слабость, господин Чириков, как боевой офицер, награжденный за военные заслуги орденом святого Георгия, имеет право на достойные похороны.

– Похороны самого высокого разряда, для таких людей, как Петр Петрович – это всегда пожалуйста. Это мы всегда с удовольствием. Пусть дорогой товарищ спит спокойно, – помог я секунданту решить проблему запятнанной чести убиенного подлеца.

– Кончай шутить, – прикрикнул на меня предок, – на тебе лица нет. Иван, помоги барину сесть на лошадь.

Однако я смог вскарабкаться на жеребца Антона Ивановича без посторонней помощи. Пока я мостился в седле, тело Чирикова погрузили на коляску, и мы с ним разъехались в разные стороны.

Глава вторая

Рана от пулевой пули, на мое счастье, оказалась не тяжелой: пуля зацепила мягкие ткани на боку и пробила бицепс руки. Я самостоятельно приводил себя в порядок. Повозиться и попотеть пришлось порядком, но вопрос решился без осложнений и побочных явлений, вроде заражения крови.

Поединок, да еще с летальным исходом, как можно было опасаться, никакого резонанса не имел. Власти не провели даже формального расследования. Думаю, что тут не обошлось без особого мнения на этот счет Киселева. Труп Петра Петровича отвезли в имение его падчерицы и, как полагается, на третий день предали земле. Я отлежал те же три дня в постели и встал почти здоровым.

Пока я лечился, коляску, из-за неисправности которой пришлось вернуться в город Тро-ицк с самого начала пути, стараниями Антона Ивановича отремонтировали. На моей коляске поменяли лопнувшую рессору, а у рыдвана, нашего второго громоздкого экипажа, по моему настоянию, перетянули железные обода на деревянных колесах. На старых, не то что до Петербурга, до губернского города было не доехать.

После этого еще два дня ушло на визиты вежливости и два вечера на прощальные вечеринки. Наконец всё благополучно разрешилось, мы собрались и ранним утром, «помолясь усердно Богу», выехали на большую дорогу.

Вам случалось как-нибудь проехать тысячу-другую верст по столбовым дорогам России восемнадцатого века? Нет? Тогда вынужден сказать горькую правду, вам крупно не повезло. Что можно увидеть в окно «Мерседеса», откинувшись на мягкую спинку сидения и слушая нежное ворчание мощного двигателя? Ровно то же самое, что из окна дребезжащих, разваливающихся на ходу «Жигулей» – серую ленту дороги, однообразный скучный ландшафт, дорожные знаки, автозаправки и стационарные посты ГАИ.

Какую пищу для сердца, ума или души даст такое путешествие? Только что запомнишь пару штрафов за превышение скорости, да двойные цены на самопальные, левые товары в придорожных палатках.

То ли дело вояжировать в легкой, рессорной коляске, когда ты, развалившись на теплой волосяной подушке, подожмешь одну ножку в узких панталонах со штрипками под себя, отставишь вторую в сторону, и подбоченясь этаким фертом, обозреваешь тенистые дубравы и тучные нивы, где трудятся, не покладая рук, добрые крестьяне. Ветерок развеивает твои кудрявые волосы, дружно бегут резвые лошадки, встречные селяне снимают шапки и низко кланяются, а русые девицы-красавицы посылают вслед нежные улыбки!

Как это славно и в чем-то даже сладостно! Хороша и обильна наша матушку Русь, ласкова и добра к своим любимым сынам. Есть от чего замереть сердцу, обозревая ее скромные северные красоты. Одни лесные уголья, изобилующие самой разнообразной дичью, чего стоят! А колосистые поля! Покосные луга! Полноводные реки с чистейшей водой, кишашие рыбой! Собери мужичков, вели им забросить бредень, и кушай себе в тенечке плакучей ивы водочку, пока повар варит духовитую трехэтажную ушицу.

Однако, что коляска, что уха и бледные, изящные барышни в кокетливых платьицах и кружевных чепчиках, строящие глазки проезжему путнику! На коляске можно съездить лишь к соседу-помещику, осмотреть его псарню и ружья, опять-таки выкушать водочки, настоящей на березовых почках или липовом цветке, да отведать стерляжьей ушицы. Совсем другое – дальнейшее путешествие. Тут не обойдешься без покойного, надежного транспорта, вроде возка или рыдвана.

Ах, этот рыдван! Путешествовали вы когда-нибудь в рыдване? Знаете ли, как он, медленно переваливаясь из колдобины в колдобину почтового тракта, не торопясь, пересекает бескрайние просторы необъятной России.

Рыдван – это не просто выходящая из моды тяжелая, вместительная карета, оснащенная почти всем, что необходимо человеку для долгого, комфортного пути – это образ мыслей, это моральное кредо, это, в конце концов, здоровые дедовские традиции и политическая благонадежность.

Благонадежность же всегда ценилась в нашем любезном Отечестве и выше таланта, и больше, чем трудолюбие, не говоря о таком прескверном свойстве характера, как суетливая деловитость.

Благонадежный человек, если и не изобретет пороха, то и, наверняка, его не взорвет, а будет, не торопясь, ехать на своем скрипучем деревянном мастодонте куда-то в безбрежную даль, поглядывая из окошка чистым, непорочным взглядом.

Однако когда ты не любимый сын отечества и не баловень судьбы, а просто так, никто, разночинец без роду, племени, подорожных документов и настоящего паспорта, и тебе срочно нужно переместиться из пункта Т. (уездного города Троицка) в пункт П. (столичный город Санкт-Петербург), неспешное путешествие на своих лошадях превращает неспешную езду в форменную муку.

Мало ли что может случиться в пути! То прогнивший настил моста, который не ремонтировали со времен великого князя Ивана Даниловича Калиты, провалится под колесом тяжеленного, неуклюжего экипажа, и добрые крестьяне, сбежавшись с окрестных нив на дармовое зрелище, два часа кряду стоят вокруг, чешут в затылках и строят фантастические теории, как бы оно, колесо, вышло из западни само по себе, по щучьему велению – их хотению.

– Мужики, – в отчаянье кричишь ты, – ставлю ведро водки, помогите вытащить карету!

– Оно, водка, конечно, лестно, – соглашаются мужики, – только вдруг не получится? Да и солнце высоко, шабашить пора. Ты, мил, человек, не спеши, авось всё и так благоустраится!

Или при затеянной на незнакомой реке рыбалке, бредень зацепится за подводную корягу, и никак не выходит, а рыбаки, побросав вытяжные веревки, чинно сядут рядком на берегу, твердо надеясь, что он освободится как-нибудь сам собой. Ты же мечешься по прибрежному песочку и доказываешь, что нужно лезть в воду, иначе бредень не освободить, а тебе резонно отвечают:

– Коли он запутался, на то Божья воля. Большой беды в том нет.

– Так пропадет же!

– Чего ему пропадать, авось как-нибудь дело и само поправится.

А уж если лопнет железная шина колеса, то во всей округе не окажется ни одного толкового кузнеца, который может произвести такую простую починку, и путешественникам останется только одно: проситься в гости к местному помещику, пить с ним неделю водку и слушать хвастливые рассказы о знатности и богатстве рода каких-нибудь Псовых-Кошкиных!.

Всё бы ничего – определенные радости можно найти и в такой неспешной форме общения с миром, но только не тогда, когда дорог каждый час, а проволочки с неизменностью смены суток возникают у тебя на пути. За три дня путешествия наш обоз, или как он там еще называется, караван, поезд, с большим трудом преодолел всего пятьдесят верст пути.

Для тех, кто не читал первых частей моего рассказа и не знает историю вопроса, позволюте немного возвратиться в прошлое, чтобы объяснить, в чем собственно суть проблемы. Не знаю, за какие заслуги, возможно из-за простого стечения обстоятельств, мне выпала возможность перебраться из нашего комфортного, электрифицированного и урбанизированного века в совершенно другую эпоху в конце восемнадцатого столетия.

Само перемещение произошло до смешного просто – я зашел на мост над безымянной речкой в своем конкретном времени, перешел на противоположную сторону реки – оказался

в далеком прошлом. Причем без предварительной подготовки, необходимых знаний, технической или хотя бы моральной поддержки, как говорится, в том, в чем и с чем был.

Чтобы не угодить как лицо без определенного места жительства в острог или, того хуже, вовсе не погибнуть, мне пришлось как-то выкручиваться. Впрочем, это время оказалось не очень суровым к своему новому обитателю. В самом начале пребывания в XVIII веке мне крупно повезло, удалось познакомиться со своим однофамильцем, в котором с некоторой осторожностью можно было предположить своего собственного предка.

Поручик Крылов, тот, что был секундантом на описанном ранее поединке, пораженный нашим внешним сходством, поверил невероятному рассказу и признал меня за своего потомка. Родственные связи, особенно в те патриархальные времена, были делом святым и дали мне возможность при поддержке прапрадеда, или кем он мне приходился, хоть как-то легализироваться на «всероссийском императорском пространстве». Дальше – больше, судьба подарила мне редкое счастье встретить настоящую, большую любовь.

Естественно, что, как и у любого человека живущего в обществе, у меня вскоре появились как друзья, так и недруги. К счастью, последним, а им оказалось целое таинственное религиозное братство или орден (я не разбираюсь в отличиях) поклонников Дьявола – несмотря на все старания, не удалось прижать меня к ногтю. Мало того, защищая свою жизнь, я умыкнул из их сатанинского храма необыкновенно дорогое старинное оружие – саблю, имеющую для их организации культовое значение.

Несмотря на все перипетии моего нового существования, жизнь налаживалась. Я обвенчался со своей любимой, успешно занимался медицинской практикой, дающей изрядный доход, между делами разбирался со всякими негодяями, заедающими жизнь порядочных людей. Однако не всё оказалось так гладко, как хотелось бы. Неожиданно последовал удар судьбы, который невозможно было предвидеть. По приказу императора Павла I, была арестована и увезена в столицу моя жена. Отбить ее у присланного для конвоя полуэскадрона кирасир я не смог и вынужден был направиться в Санкт-Петербург, выяснить, чем прогневала государя простая девушка, воспитанная в крестьянской семье, а если повезет, вызволить ее из заточения.

Алевтину, до венчания со мной, солдатскую вдову, по чьему-то навету посчитали самозванкой, претендующую на российский престол. Как удалось выяснить, гипотетически она могла считаться внучкой несчастного императора Иоанна Антоновича Брауншвейгского-Романова. Этот несчастный человек был в годовалом возрасте коронован как император Иоанн VI, вскоре свергнут и заточен двоюродной теткой императрицей Елизаветой Петровной в Шлиссельбургскую крепость. Проведя двадцать четыре года в одиночном заключении, он погиб при авантюрной попытке подпоручика смоленского пехотного полка Василия Мировича освободить его и провозгласить императором.

Моя Аля выросла в крепостной крестьянской семье и слыхом не слыхивала не только об императоре Иоанне VI Антоновиче или некоем поручике Мировиче, но и о нынешнем государе императоре Павле Петровиче. До нашей встречи она была обычной сенной девушкой и если кого и знала, так только своих односельчан.

Сразу же, по горячим следам, отправиться для ее спасения я не смог по банальной причине: у меня не было никаких документов. Пришлось ждать, пока мне изготовят фальшивый паспорт и предок завершит свои дела по вступлению в наследство именем. Когда после всяческих проволочек и возвращений с пути, мы, наконец, тронулись в путь, на главную позицию и вышел пресловутый рыдван.

Мой предок, поручик лейб-гвардии егерского полка Антон Иванович Крылов, получив в наследство имение, вознамерился своим богатством покорить столицу и решил отправиться туда непременно целым обозом в несколько экипажей, в сопровождении дворовых слуг.

Первым, на почетном месте, в нашем поезде ехал рыдван – карета, доставшаяся ему по наследству вместе с поместьем. В наш язык это название пришло как нарицательное, синоним драндулета, но тогда рыдваны еще успешно ездили по стране и позволяли путнику с комфортом проводить в дороге целые недели, если не месяцы. В рыдване можно было укрыться от непогоды, поспать во время езды, и найти все необходимые удобства. В хорошую погоду приятнее было ехать в открытой коляске, но хорошие погоды не самые частые гости в нашей климатической полосе. За головным транспортным средством следовала моя венская коляска на мягких рессорах, а за ней простые телеги с нашей немногочисленной дворней. Всё это антикварное гужевое великолепие еле двигалось, постоянно ломалось и доставляло путникам большие хлопоты. Дворовые люди, которые должны были обеспечивать функциональность громоздкого деревянного хозяйства, представляли собой наиболее ленивую и беспомощную часть народа. Главная задача их жизни была угодить господам, а так как льстить и создавать видимость активности легче, чем работать, они, как и их более успешные потомки, ставшие теперь слугами народа и отечества, умели только морочить голову, обстрипывать свои делишки и тянуть то, что плохо и особенно хорошо лежит.

Я оказался единственным человеком в нашей разношерстной компании, который спешил, потому мне и приходилось решать все возникающие проблемы. К этому быстро привыкли и по любому поводу неслись сломя голову сообщить об очередной неполадке. Приходилось вылезать из рыдвана или коляски, в которой мы с предком ехали в хорошую погоду и самолично забивать выпавшую из оси колеса чеку или организовывать субботник по освобождению колеса из провалившегося настила моста.

Всё это продолжалось до тех пор, пока утром четвертого дня пути у нашего скрипучего мастодонта не лопнула ось задних колес. «Катастрофа» произошла на полном скаку, когда рыдван несся со скоростью шесть километров в час, вблизи большого села с пятикупольной церковью. Под днищем рыдвана оглушительно затрещало, и кузов кареты осели перекосясь. Форейтор и кучер завопили, останавливая лошадей, музейное сооружение еще несколько метров волоком протащилось по дороге, и всё было кончено. На наше счастье, по встречной полосе никто не ехал, так что обошлось без лобового столкновения.

Мы с Антоном Ивановичем выскочили наружу, к нам подбежали остальные участники путешествия и молча уставились на валяющиеся по обе стороны экипажа задние колеса.

– Что это такое, Степан? – строго спросил кучера предок. – Ты карету сегодня проверял или нет?

– Экая оказия, – огорченно проговорил кучер, прямо не отвечая на вопрос. – Эй, Петро, ось-то того! Ты оси-то смазывал? Вишь, барин серчает!

– Так не ось, а балка-то треснула, будь она неладна, ты погляди сам! Оси-то ништо, оси – хороши!

– Как так хороши, когда не смазаны! Я тебе дегтя-то давал? Почто не смазал?

– Оси они, что! Оси хороши, на них хоть и не смазаны, хоть куда доедешь!

Разговор как всегда в таких случаях начал вязнуть во взаимных обвинениях и упреках, когда уже никто не может ни в чем разобраться и, тем более, найти виноватого. До создания государственных комиссий, которые после долгой напряженной, хорошо оплачиваемой работы и сложных экспертиз иногда могут определить вину ответственного лица, было еще далеко, а ехать нужно было сейчас и как можно быстрее. Однако, что было делать, когда толстая дубовая ось сломалась пополам, поломаны спицы и покорежены втулки обоих колес, я не знал.

– В кузню бы надо, – подал совет специалист по смазанным осям Петр, – коли уж кузнец не сможет, тогда уж оно того! А смазать, оно и опосля можно. Почему же не смазать!

Однако до смазки было еще так далеко, что впору хвататься за голову.

– Слушай, Антон, – обратился я к предку, – давай оставим рыдван здесь ремонтировать и поедем налегке в коляске. Я ведь так и с ума сойду! Ты представляешь, каково Але одной!

Поручик серьезно посмотрел мне в глаза и бледно улыбнулся:

– И что ты всё спешишь! Ну, приедешь ты в Петербург, и что? Тайную экспедицию приступом возьмешь? Только сам голову потеряешь и Алевтину погубишь. С Алиным талантом людей понимать, ей сам черт не брат, она лучше тебя сумеет кого и как нужно вокруг пальца обвести.

– О чем это ты? – удивленно спросил я. То, что моя жена после смертельной болезни и запредельно высокой температуры вдруг начала понимать, о чем думают окружающие, знали только мы с ней вдвоем.

– О том. Неужто сам не заметил? Твоя Аля людей насквозь видит! С ней говоришь, и страшно делается – как будто сквозь лорнет тебе в душу смотрит.

– Ну, ты скажешь, – проямил я. – Представляешь, как девочке страшно и одиноко, под арестом, одной среди чужих людей, – говорил я, понимая умом, что предок прав, и эмоциями, как и лбом, стены Петропавловской крепости не пробьешь.

– Ты думаешь, я от гордыни с этим катафалком связался? – кивнул он на рыдван. – Тебя, дурня, жалею. Пусть кому интересно, куда мы спешим, не думают, что ты против царского приказа бунтарь. И в Санкт-Петербург не спешно летишь с крамолой, а приехал тихим ходом по своим делам. Может, пока мы доберемся до столицы, всё и разрешится, и получишь свою Алевтину, или как ее теперь зовут, Амалию, в целости и сохранности.

Признаться, я впервые слышал от предка такие разумные и, главное, длинные речи. Обычно он бывал лаконичен и больше произносил краткие тосты, чем связные фразы.

– Наверное, ты прав, – признал я, глядя на дорогу, по которой со стороны села к нам приближалось изящное ландо, запряженное великолепной вороной лошастью.

– Посмотри, это вероятно местный помещик.

Антон Иванович оглянулся на подъезжающего господина средних лет, весьма благородной наружности.

– Здравствуйте, господа! – произнес тот, приказывая кучеру в ливрее и треугольной шляпе остановиться возле нас. – У вас, как я погляжу, поломка!

– Ось, будь она неладна! – пожаловался Антон Иванович. – Ума не приложу, что теперь делать.

Седой джентльмен сочувственно улыбнулся, вышел из ландо и обошел завалившуюся карету.

– Странно, – удивленно сказал он, – у вас треснула поперечная осевая балка, весьма редкая поломка.

– Тот-то и оно.

– Однако я думаю, особенно беспокоиться не о чем, у нас прекрасный кузнец, он всё мигом починит.

– Будем премного благодарны, – поблагодарил предок, – позвольте представиться, – он назвал сам и отрекомендовал меня: – а это мой родственник, Алексей Григорьевич Крылов, путешествует по собственной надобности.

– Карл Францевич фон Герц, здешний управляющий, – в свою очередь назвал джентльмен. – Буду рад пригласить вас господа, пока идет ремонт, погостить в нашем имении. Графиня Закраевская нынче больна, но гостям у нас всегда рады.

– Удобно ли беспокоить больную? – засмутился Антон Иванович.

– Изрядно удобно, у нас для приезжих заведены особые флигеля, так что никакого беспокойства графине не будет.

Карл Францевич говорил по-русски чисто, и только узнав по имени о его иностранном происхождении, я обратил внимание на то, что небольшой акцент у него всё-таки был.

– Вы обмолвились, что графиня больна? – светски вежливо поинтересовался гвардейский поручик.

– Очень больна, – подтвердил управляющий. – Я послал нарочного в Петербург за доктором Фишем, да того всё нет. Опасаемся за жизнь ее сиятельства.

– Здесь мы можем помочь, Алексей Григорьевич изрядный лекарь, – похвастался предок.

– Неужто! – обрадовался Карл Францевич. – Очень рад, что у нас в России появились собственные доктора! Графиню Закраевскую пользовали самые известные доктора! Жаль только никто уже не в силах ей помочь.

– Алексей в силах, – уверил управляющего предок. – Он по этой части мастак!

– Выбор доктора серьезный шаг, у каждого лекаря есть своя метода. Вы, господин Крылов, чем лечите больных? – спросил он меня.

– Руки он накладывает! – ответил за меня поручик. – И, представьте, помогает.

– О, тогда конечно, – вежливо удивился немец. – Может быть, вы поможете графине?

– Конечно, чем возможно – помогу, – пообещал я.

– Тогда, господа, поедemте сразу, а про карету не извольте беспокоиться, я распоряжусь. Фон Герц сел в свое ландо, мы с предком в коляску и направились в поместье.

– Ты зря меня втянул в лечение, – упрекнул я Антона Ивановича, – может быть у старухи что-нибудь серьезное. У меня же кроме рук никаких лекарств нет.

– Ты и руками вылечишь любо-дорого. К тому же думаю, что доктор Фиш в такую глушь всё равно не приедет – он самый дорогой доктор в Питере, к нему и там попасть невозможно.

Мы въехали в село. Было оно, по нынешним понятиям, велико и, что удивительно, с мощеной тесаным песчаником дорогой! Такого великолепия я пока еще не видел. Избы также были вполне приличные и построены по плану, стояли на равном расстоянии друг от друга вдоль дороги. К тому же почти все были с небольшими палисадниками. В центре села высилась каменная церковь, как я уже отмечал, была она пятикупольной, с отдельно стоящей колокольней. Такому нарядному храму мог позавидовать иной город.

– Не знаешь, кто эта Закраевская? – спросил я предка.

– Не знаю, про дворянский род Закревских слышал, есть еще поляк Игнатий Закржевский, тот бунтовал в Варшаве, а графов Закраевских не встречал.

– Видимо, графиня богачка, посмотри какое у нее большое село!

– Пожалуй, что богата, если в управляющих держит барона.

Наконец мы проехали само село и оказались в аллее из молодых вязов, в конце которой угадывалась усадьба. Дорога здесь была еще лучше, чем в селе, гладкая и чистая.

Карл Францевич изредка оглядывался на нас через плечо из своего ландо и приветливо улыбался. Аллея окончилась красивыми чугунными воротами не многим скромнее, чем при входе в Летний сад. По их бокам стояли сторожевые башенки, но не по русской моде в виде кирпичных цилиндров, венчаных богатырскими шлемами, а в европейском, готическом стиле со многими архитектурными излишествами, вроде орнаментной резьбы по камню и горельефов из жизни античных героев.

Всё это содержалось в превосходном состоянии и не производило впечатления понтов недавних нуворишей.

– Затеяливая, видать, старуха эта Закраевская! – уважительно сказал Антон Иванович. – По-царски живет.

Мы проехали мимо вставших на караул привратников, одетых в лиловые кафтаны с золотыми позументами, в начищенных медных шлемах.

– Ну, выдаете, романтики! – с восхищением сказал я.

– Ты, что имеешь в виду? – подозрительно спросил предок, неодобрительно относящийся к моему ироничному отношению к его галантной эпохе.

– Скажи, зачем в провинции, в глуши, в пустых воротах ставить разодетых часовых?! Хорошо, что еще без алебард или шашек «на караул». Тоже мне, мавзолей!

– Что за мавзолей? Из семи чудес света? – проигнорировав мой вопрос, поинтересовался Антон Иванович.

– Причем тут чудеса света? – не понял я. – А, ты о мавзолее. Я имел в виду другой мавзолей, не гробницу царя Мавзола, а новый, в Москве, в котором лежат нетленные мощи нашего бывшего вождя.

– Значит, и у вас есть в душе вера! – обрадовался поручик. – А то мне сдавалось, что вы совсем от Бога отошли.

– Это другого рода мощи, и вождь не христианин, а пророк и основатель другой религии.

– Сложно говоришь, загадками. Мощи они и есть мощи.

Продолжить диспут о мощах и святынях нам не удалось, ландо свернуло на боковую аллею, и мы подъехали за ним к господскому дому. Был он, учитывая другие признаки богатства старухи, не очень велик, хотя и прекрасно смотрелся, удачно вписываясь в густую дубовую рощу. Ландо остановилось у крыльца отделанного мраморными плитами. Карл Францевич вышел из экипажа и, сняв шляпу, ждал, пока мы подъедем.

– Может быть, не стоит сразу беспокоить хозяйку? – спросил я. – Тем более что мне еще нужно умыться с дороги.

– Графиня живет не здесь, – успокоил меня фон Герц, – это апартаменты для гостей.

– Да-а-а, – только и нашелся протянуть я, воображая, что собой представляет дом хозяйки, если гостей селят в такие хоромы.

Только мы вышли из экипажа, как из дома выбежала толпа слуг и выстроилась двумя шеренгами перед входом. Одеты они были не так, как дворня других помещиков, у которых я побывал, кто в крестьянское платье, кто в даренные обноски с барского плеча, эти все были в одинаковых лиловых ливреях с позументами и вышитым графским гербом на спинах. Герб у Закраевских был красочный: сверху рыцарский шлем с перьями, под ним корона с девятью зубцами, расположенная над геральдическим щитом с венком и перекрещенными шпагами.

Этот щит с двух сторон поддерживали стоящие на задних лапах львы. В геральдических символах я не разбирался, потому понять, за какие заслуги Закраевские получили титул, не мог.

– Пожалуйста в дом, – любезно пригласил нас управляющий, и мы через коридор стоящих навтыжку слуг прошли в апартаменты. Гостевой флигель внутри оказался еще богаче, чем снаружи. Персидские ковры на полах, на стенах итальянская пейзажная живопись в роскошных рамах. В моих «покоях», состоящих из нескольких комнат, тянувшихся анфиладой, прекрасная мебель, мягкие диваны и прочие атрибуты достойной жизни.

Едва я осмотрелся, как, вежливо постучавшись, в гостиную вошел лакей в напудренном парике и «испросил» приказаний. Я попросил принести воды умыться и щетку почистить запылившееся в дороге платье. Буквально через три четверти минуты, как будто приказа ждали за дверями, слуги внесли фаянсовую чашу с водой, кувшины, бадейки и умывальные принадлежности.

Короче говоря, обслуживание здесь было по высшему разряду, такое, когда не чувствуется никакого напряжения и давления со стороны obsługi. Наоборот, казалось, что тебе с удовольствием помогают, а не делают, как это обычно бывает, через силу большое одолжение.

Пока, с помощью двух лакеев я совершал – иначе назвать этот ритуал нельзя – «торжественное омовение», моя скромная потрепанная одежда была приведена в идеальное состояние. Осталось только качать от восхищения головой, при каждом проявлении такой искренней, просто материнской заботы о приезжих.

Глава третья

В покои графини Карл Францевич меня пригласил только во второй половине дня. До этого мы с Антоном Ивановичем играли на бильярде, гуляли по «регулярному», как тогда говорили, парку. Дорожки его были вымощены изразцами и мозаикой, в разных местах располагались скульптурные фигуры людей, зверей и птиц. Всюду царила доведенная до щепетильности чистота.

Однако во всём этом, на мой взгляд, не было цельного художественного завершения.

Такого богатого имения, принадлежащего частному лицу, не видел не только я, у которого был незначительный опыт общения с русскими барамы, но и офицер аристократического лейб-гвардейского полка.

После обеда мы сидели в курительной, наслаждались ароматным греческим табаком и неспешно беседовали.

– Сколько же у старухи душ крестьян! – восхищался Антон Иванович после обсуждения очередного чуда роскоши, увиденного нами. – Никак не меньше тридцати тысяч! Да, брат, есть еще на Руси богатые люди! Удивительно, что я никогда о ней не слышал!

– Меня удивляет другое, где она нашла таких специалистов по оранжереям и парковому дизайну!

– Что мне внучек в тебе не нравится, – перебил меня Антон Иванович, – иноземных языков ты толком не знаешь, а по-русски говоришь так заковыристо, что тебя не всякий поймет. Нет, чтобы говорить по простоте, не можешь по-французски, так хотя бы на простом русском. Ты же всё время неизвестно зачем в речь непонятные слова вставляешь!

– Извини, дедуля, ничего не могу с собой поделать. Сложно в разговоре подбирать каждое слово. За двести лет язык так переменялся, что не всегда знаешь, какие слова вы употребляете, какие нет. Дизайн – это значит оформление. Можно сказать: «специалист по оформлению парка»?

– Можно сказать по-человечески, чтобы любому было понятно: садовник!

Мы оба засмеялись очевидной простоте решения.

– Ладно, давай еще по маленькой, а то за мной скоро придет управляющий – поведет к больной, – предложил я, перехватывая взгляд Антона Ивановича на буфетный стол, заставленный бутылками самой экзотической формы.

Однако выпить по последней нам не пришлось, появился фон Герц с сообщением, что графиня проснулась и, если мне угодно, он может меня к ней проводить. Мне было «угодно» и, не откладывая дела, мы с Карлом Францевичем пошли в господские покои.

Вопреки предположениям, дворец, который мы с предком видели издалека и не смогли толком рассмотреть, оказался не таким великолепным, как нам представлялось. Конечно, просто большим домом назвать его было уже нельзя, скорее небольшим дворцом. Четкость и геометризм форм, логичность планировки, сочетание гладкой стены с ордером и сдержанным декором, основными чертами классицизма в архитектуре, делали здание величественным и изысканно-элегантным.

Управляющий, миновав парадный вход, подвел меня к боковому, ведущему, по его словам, прямо в покои графини. Мы вошли через мягко открывшуюся дверь и поднялись на второй этаж по белоснежным ступеням лестницы, инкрустированным черными символами, напоминающими какие-то кабалистические знаки.

– Это что за порода мрамора? – спросил я фон Герца, чтобы сделать ему приятное.

– Пентелеконский, – ответил он. – Алексей Григорьевич, умоляю, будьте осторожны и внимательны, Зинаида Николаевна очень слаба, и рокового кризиса можно ждать каждую минуту.

– Графиню зовут Зинаида Николаевна? – переспросил я, впервые услышав имя и отчество Закраевской.

– Точно так, – подтвердил управляющий. Дойдя до второго этажа, мы остановились перед лимонного цвета дверью украшенной тончайшей резьбой.

– Дальше я не пойду, чтобы не беспокоить страдальцу. В будуаре вас встретит камеристка, она предупреждена.

Франц Карлович открыл дверь и, пропустив меня внутрь, осторожно прикрыл ее за моей спиной. В комнате, в бархатном кресле, у задернутого гардиной окна сидела молодая бледная девушка с припухшими глазами. При виде меня она встала и шепотом спросила:

– Вы доктор?

Я молча поклонился.

– У графини в комнате темно, это вам не мешает при осмотре? Она теперь совсем не переносит света.

– Ничего страшного, попробую осмотреть ее в темноте, – пообещал я, усмехаясь многозначному: «осмотреть в темноте».

– Тогда следуйте за мной, – сказала девушка, – подавая мне теплую, сухую руку с тонкими, почти детскими пальцами.

Мы на цыпочках прошли внутрь темного помещения, как я понял по тонкому аромату, – спальню хозяйки.

– Зинаида Николаевна, – не сказала, а прошелестела камеристка, – к вам пришел доктор. Я постепенно привыкал к темноте и начал различать предметы. Кровать больной стояла как трон посередине большой комнаты.

– Я вам помогу, – прошептала девушка и подвела меня к ней.

Рассмотреть больную в темноте было невозможно, я присел на пуфик возле изголовья и попросил:

– Сударыня, позвольте вашу руку.

Графиня едва слышно вздохнула, и к моей руке прикоснулись ее пальцы. Я перехватил тонкое запястье и нащупал пульс. Он был вполне удовлетворительный с хорошим наполнением.

– Что у вас болит? – шепотом спросил я, отпуская руку.

– Ах, доктор, я не знаю. Пожалуй, голова. И я совсем не могу видеть света, – прошелестело в ответ.

Для пожилой женщины у Зинаиды Николаевны была очень нежная, мягкая кожа и красивый, молодой голос.

– Позвольте, я положу вам ладонь на лоб, – сказал я, уже отчетливо видя силуэт лежащей на подушке головы в короне густых волос.

– Извольте, – разрешила графиня.

Я протянул руку и прикоснулся ко лбу, он был прохладен – температуры у больной не было.

– Теперь я буду двигать над вами руками, а вы закройте глаза и постарайтесь расслабиться, – попросил я. – Представьте, что вы лежите в теплой воде и вам хорошо и спокойно.

– Да, – ответила женщина и затихла.

Я начал водить руками над ее телом, закрытым тонким шелковым одеялом. Мышцы у меня напряглись, и заныла недавняя рана.

Сначала графиня лежала совершенно неподвижно, но несколько минут спустя, начала дрожать.

– Вам нехорошо? – спросил я. – Прекратить?

– Нет, хорошо, – ответила она чуть громче и отчетливее чем раньше. – Пожалуйста, еще!

Я вновь сосредоточился на своих ладонях и попытался проконтролировать, какие места ее тела отзываются на мои пассы. Когда занимаешься экстрасенсорным лечением, довольно быстро начинаешь ощущать разницу между здоровыми и больными участками. Как мне показалось, у Зинаиды Николаевны были небольшие проблемы с печенью и желудком. В остальном, для пожилой женщины, она была практически здорова. От нервного и мышечного напряжения я начал уставать и сильно вспотел. В комнате насыщенной ароматами духов было душно и влажно.

– Вот на сегодня и всё, – сказал я, когда почувствовал, что ощущение собственной усталости не дают пробиться к больной.

– Что это было? – спросила больная, открывая глаза. – Что вы со мной делали?

– Это такое бесконтактное, экстрасенсорное лечение, – по привычке, мутно и непонятно, ответил я, постепенно приходя в себя. – Меня ему научили инки и ацтеки.

Обычно чем непонятнее звучали объяснения, тем больше доверия вызывал своей ученостью врач.

– Доктор, а что это за странный запах? – опять спросила графиня.

– Не знаю, – ответил я, отодвигаясь дальше от постели, – вероятно, флюиды выздоровления.

Теперь, когда я почти привык к темноте комнаты, мне показалось, что графиня не так уж и стара. «А почему, собственно, мы решили, что она старуха?» – подумал я, и догадался, что тут дело не обошлось без Пушкина и «Пиковой дамы». Старуха-графиня – тройка, семерка, туз.

– Но я опять ощущаю этот запах! – опять тревожно сказала Зинаида Николаевна. – Откуда он?

– Не знаю, о чем вы. Пожалуйста, не думайте об этом, – категорично сказал я, чтобы закрыть неприятную тему. Не объяснять же было ей, что в духоте непрветриваемой комнаты, при большом мышечном напряжении немудрено и вспотеть. – Вам необходимо постоянно проветривать комнату и больше есть сырых овощей и фруктов. У вас прекрасная оранжерея, там растет всё необходимое для вашей диеты. А теперь позвольте откланяться, вам нужно отдохнуть.

– Нет, доктор, останьтесь, пожалуйста, мне с вами так покойно! И еще этот аромат! Он такой странный!

Вот действительно, дался ей мой запах. Я плотнее запахнул сюртук. Торчать в темной, душной комнате с невидимой женщиной мне было совершенно неинтересно. Пришлось придумывать повод улизнуть.

– Мое присутствие вам будет сейчас вредно. Вам теперь необходимо немного поспать. Только сначала распорядитесь проветрить комнату. А я к вам приду, как только вы наберетесь сил, и повторю свой сеанс.

– Хорошо, доктор, я буду вас ждать!

Я тихо встал, и, неслышно ступая, вышел из спальни. Я так пропотел, что от меня реально разило потом. Камеристка, кажется, тоже это почувствовала и повела из стороны в сторону своим маленьким, чуть вздернутым носиком.

– Ну, как она, доктор? – с неподдельной тревогой спросила девушка.

– Неплохо. Думаю, что у графини нет ничего опасного. Надеюсь, что она скоро выздоровеет.

– Ах, дай-то Бог, Зинаида Николаевна так тяжело больна!

– Время – лечит, – неопределенно ответил я, чтобы избавиться от глупых разговоров и, наконец, выйти на свежий воздух вместе со своим плебейским запахом.

У выхода меня ждало следующее заинтересованное лицо – барон фон Герц. Он ничего не спросил, но тревожно смотрел мне в лицо, видимо ожидая трагического приговора.

– Вы зря волнуетесь, Карл Францевич, – сказал я беззаботным тоном, – с графиней всё в порядке. Сколько я могу судить, для своего возраста она вполне здорова. Кстати, сколько ей лет?

– О, пока не очень много, ей этой осенью исполнится двадцать шесть!

– Да? А мне показалось, вы говорили, что она много старше.

– Я говорил? Не помню, у нас, кажется, не было разговора на эту тему.

– Правда? Значит, мне так показалось. Все как будто ждут, что она вот-вот умрет, и я подумал, что графиня старуха.

– Упаси боже, Зинаида Николаевна еще не старая женщина. Только очень много хворает.

– Она замужем?

– Да, но живет с мужем в разъезде.

– Понятно.

Дальше лезть с расспросами было неловко, и я перевел разговор на рекомендации, чем кормить больную, чтобы у нее наладился желудок.

На этом мы с управляющим расстались, и я вернулся в гостевой дом.

– Ну, что старуха, не померла? – спросил меня Антон Иванович, когда я вошел в наши покои.

– Этой старухе двадцать пять лет и она, сколько можно было рассмотреть в полутьме, премиленькая, – ответил я. – Так что как только она встанет, можешь за ней приударить.

– Да? Чего же ее все хоронят?

– Кто знает, какие у них здесь отношения. Большое богатство так же вредно для здоровья, как и бедность. А эта Зинаида ведет неправильный образ жизни, сидит летом в душной комнате и придумывает себе болезни. Вы сами виноваты, что рано стареете, неправильно питаетесь, ведете разгульный образ жизни...

– Можно подумать, что тебе такая жизнь не нравится! – обижено сказал предок. – Что же ты в таком разе не возвращаешься к своим техническим чудесам!

– Это не от меня зависит, а пить всё равно надо меньше. Вон сколько ликера уже высосал!

– Хороший ликер, настоящий «Шартрез», тебе налить? – спросил предок, наливая себе.

– Налей немного. Как там наши люди?

– Устроились. Рыдван уже на кузнеце, обещают починить. Ну, будь здоров!

Ликер действительно был необыкновенно вкусный и ароматный.

– А это «Бенедиктин», – порекомендовал Антон Иванович следующий сорт, – тоже, я тебе скажу, весьма пикантный напиток.

Выпили и «Бенедиктина». Оба сорта ликеров, судя по вкусу и запаху, были настояны на большом количестве трав и специй.

– Ивана видел? – спросил я.

– Видел, он с этим, как там его, странным человеком, Костюковым. Тот что, действительно, колдун?

– Говорит, что «волхв», а так – кто его знает.

– Посмотрел на меня и сказал, что я скоро женюсь. Думаешь, не врет?

– Жениться тебе давно пора, а то сопьешься.

– Опять ты за свое! Интересно только на ком? Может, на графине Закраевской? Говоришь она премиленькая?

– Графиня замужем, просто разъехалась с мужем.

– Жаль, мне здесь определенно нравится. А как думаешь, наш волхв может точнее сказать?

– Откуда я знаю, пойд и спроси у него сам.

– Это правда, что Костюкова десять лет в яме на цепи держали?

– Не совсем, где-то около полугода, и не в яме, а в домашней тюрьме в Завидово. Хотя хрен редьки не слаще. Завидовской-управляющий Вошин его посадил, тот, что под оборотня косил.

– Что значит «косил», глазом что ли?

– Косил – значит прикидывался. Не знаешь, есть у них здесь баня? Мне нужно пойти помыться.

– Чего это ты среди дня париться затеял?

– Да так, пропылился в дороге.

– Про баню можно у лакеев спросить, у них тут, как я погляжу, всё есть. Всё-таки жаль, что графиня замужем!

На этом мы разошлись. Поручик отправился узнавать свое будущее, а я искать, где бы помыться.

С баней у меня ничего не получилось, она была, но по будничным дням ее не топили, пришлось удовлетвориться локальным омовением в фаянсовой чаше. Я пока не привык к публичному туалету в присутствии кучи излишне предупредительных слуг и чувствовал себя не в своей тарелке.

Кое-как помывшись и отпустив прислугу, я еще раз внимательно осмотрел интерьеры гостевого особняка и от нечего делать отправился побродить по усадьбе.

Теперь замечалось то, на что при яркости первых впечатлений я не обратил внимания. На территории не было праздно болтающихся людей, обычного зрелища в любом из виденных мной имений. И еще удивительно, я не заметил ни одного ребенка. Ощущение было такое, что я нахожусь не в русском поместье, а в Версале в выходной день, когда он закрыт для посетителей. У нас обычно бывает по-другому:

Кругом мальчишки хохотали.

Меж тем печально под окном,

Индейки с криком выступали

Вослед за мокрым петухом;

Три утки полоскались в луже;

Шла баба через грязный двор

Белье повесить на забор.

То ли в связи с болезнью хозяйки, то ли оттого, что немец-управляющий навел тут германские порядки, но ничего, от парковой архитектуры, до стерильной чистоты, не напоминало нашего милого сердцу, неухоженного отечества.

Когда мне надоело одному бродить по пустынным дорожкам, я набрался наглости и отправился в хозяйский дом, В конце концов, я теперь не случайный гость, а домашний доктор хозяйки, и пока никто не ограничивал мое перемещение.

Фасад, крыльцо и двери у дворца были в полном ажуре, как в любом королевском дворце. Даже очередная пара часовых в лиловых камзолах и париках со средневековыми бердышами стояла на страже входа. Не обращая на них внимания, я без труда открыл тяжеленную, но хорошо смазанную входную дверь трехметровой высоты и вошел в большой зал, видимо, занимавший почти весь первый этаж.

Это, я вам скажу, оказалось, нечто! Один паркетный пол чего стоил! В остальном, интерьер был чисто европейский: рыцарские доспехи, картины в роскошных рамах на стенах, огромный камин, колоннада из целиковых каменных блоков, на которой покоились хоры. Богатство было настоящее, даже бьющее через край. Рассмотреть подробности не удалось, мне навстречу, скользя бальными туфлями с блестящими пряжками, уже летел человек с чрезвычайно взволнованным лицом.

Подлетев ко мне, он затрещал по-французски:

– Monsieur! Je vous souhaite le bonjour! Je suis bien aise de vous voir!

Изо всего этого монолога, я понял только два слова «монсеньер» и «бонжур» и, соответственно, ответил:

– Здоров, коли, не шутишь.

Несмотря на изысканность одежды, башмаки с пряжками и пудренное лицо, морда у «француза» была рязанская, и мы вполне могли найти возможность общаться и на родном языке.

– Позвольте представиться, – тут же перешел на отечественный диалект забавный фронт, – мажордом и балетмейстер графини, дворянин брянской губернии Перепечин Александр Александрович, сын великого русского поэта!

– Да, ну! – поразился я. – И каково имя вашего батюшки?

– Как и мое-с, Александр!

– А фамилия такая же, Перепечин?

– Совершенно верно-с.

– Ну, тогда конечно! Если сам Перепечин! Тогда совсем другое дело, рядом с ним Державин и близко не стоит!

– Совершенно с вами согласен, – просиял мажордом, – хотя некоторые и сомневаются, однако по здравым размышлениям, и принимая во внимание, верно в чрезвычайности!

– А нельзя ли мне, многоуважаемый Александр Александрович, осмотреть дом-с. Как имею большое инересование относительно всяких архитектурных излишеств и вообще при полной деликатности, очень и очень!

Выслушав эту галиматью, вероятно вполне соответствующую представлению сына поэта об изящном глаголе, мажордом вначале просиял, но потом смущенно покачал головой:

– Волею на то не располагаю, как дворец их сиятельства – женское царство и будуары имеют дамское назначение, а потому интимного свойства. Могу предложить вашему сиятельству проследовать в библиотеку, для ознакомления с умственными трудами разных народов.

– Хорошо, пусть будет библиотека. Вы меня проводите?

– Сочту, ваше сиятельство, за особую честь!

– Зачем вы меня всё титузуете, зовите по-простому Алексей Григорьевич, – снисходительно разрешил я, продолжая потешаться над забавным брянским дворянином с рязанской физиономией.

Александр Александрович сделал ножками балетное па, вроде антраша, после чего, скользя по паркету, и взмахивая руками, как птица, поспешил в угол залы, откуда мы попали во внутренние покои. Библиотека занимала просторную комнату с книжными шкафами вдоль стен и диванами в свободных простенках. Здесь, как и везде, было очень чисто и пахло духами. Навстречу нам вышел пожилой человек в очках и поклонился.

– Иван Иванович, – сказал ему мажордом, – к вам посетитель. А мне извольте позволить откланяться!

– Здравствуйте, сударь, не позволяйте мне взглянуть на ваши богатства? – вежливо спросил я, разглядывая редкого в эту эпоху специалиста по книгам.

Библиотекарь внимательно посмотрел на меня сквозь стекла очков.

– Voulez, – кратко сказал он, делая международный приглашающий жест.

– Извольте говорить по-русски? – поинтересовался я, чтобы избежать, как это сплошь и рядом бывало при общении с местными полиглотами, путаницы в языках.

– О, да! Изволю! – подтвердил библиотекарь с сильным немецким акцентом. – Я изрядно говорить по-русски.

– Sehr gut! – сказал я, демонстрируя, что определил его национальную принадлежность. – Можно мне посмотреть вашу библиотеку?

– Очень можно, – ответил он, делая приглашающий жест.

– Где у вас тут русские книги?

Немец подвел меня к одному из шкафов и показал несколько полок заставленных книгами на кириллице. В основном это была литература религиозного содержания, на чтение которой у меня никак не хватало времени.

Книг современных писателей не было, как и журналов вроде тех, что издавались при матушке нынешнего императора: «Трудолюбивая Пчела», «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Невинное упражнение», «Доброе намерение», «Адская почта», «Парнасский Щепетильник», «Пустомеля» – одни названия чего стоили. Павел Петрович, судя по всему, нынешнюю книжную культуру не баловал, опасаясь ее тлетворного влияния. Зато литературой на европейских языках остальные шкафы были набиты доверху.

Пока я рассматривал корешки, библиотекарь, стоя неподалеку, ревниво наблюдал, какое впечатление производит на меня его коллекция книг. Пришлось разочаровать цивилизованного немца, и сознаться, что, по незнанию языков, в его книгах я могу только смотреть картинки. После чего он тотчас потерял ко мне всякий интерес и, увы, уважение.

– А нет ли у вас биографии Иоганна Гуттенберга, – спросил я, уже собираясь уходить.

– Откуда вы знать про этот человек? – удивился он.

– Ну, мало ли что я знаю, – со скромной гордостью сказал я. – Видите ли, у меня есть книга о черной магии, изданная в 1511 году, и мне хотелось бы узнать имя издателя. А время смерти изобретателя книгопечатанья Гуттенберга я не помню, может быть, это его издание?

– Наин, Гуттенберг изволил умирать в конец шестидесятых лет пятнадцатый век, и он никогда не издать подобный литератур. Вы имеете желаний показать мне ваш бух?

– Бух? В смысле книгу? Ради Бога.

Взволнованный библиотекарь, еле сдерживая нетерпение, отправился со мной в гостевой дом, где я и предъявил ему раритетное издание, приобретенное мной за гривенник у квартирной хозяйки шарлатана-врача, которой тот остался должен за постой. При виде редкой книги у «Ивана Ивановича» загорелись глаза и потекли слюни. К сожалению, от волнения он вдруг забыл все русские слова и на мои вопросы отвечал исключительно по-немецки. Так что никакого толка от его консультации не получилось.

Кроме восторженных выкриков: «Es ist wunderbar! Unglaublich! Es ist das Wunder einfach!», обозначавших, как я полагал, высшую степень восхищения, никаких полезных сведений я от него не узнал. Впрочем, и это было кое-что. Если библиофил в восемнадцатом веке пришел от издания в такой восторг, то что будет, если мне удастся переправить этот «бух» в двадцать первый!

Наконец восторг несколько поутих, и библиотекарь на своем непонятном языке, сопровождаемом понятной жестикуляцией, попросил разрешения забрать с собой книгу для знакомства. Мне идея не понравилась, но и отказать ему не было повода – мол, сам еще не прочитал – и я утвердительно кивнул.

– Бери, только не лапай немытыми руками.

– Что есть «нелапай»?

– Это значит – не слюни пальцы, когда листаешь, и не загибай углы у страниц. Знаю я вас, готов и вандалов, думаешь, мы не помним, как вы Рим разграбили?!

Немец догадался, что русский дикарь над ним подшучивает, и забавно нахмурился.

– Я уходить читать книга, – самолюбиво сказал он, но не ушел, увидел лежащую на столе саблю и остоленело на нее уставился.

– Это есть Der Sabel?

– Точно, – подтвердил я, – дер сабля. Еще вопросы есть?

Вопросов у него ко мне, кажется, не было, они возникли у меня, наблюдая странное поведение библиотекаря. Что-то слишком большое впечатление произвело на человека мирной профессии мое добытое в бою оружие. Он как-то боком, благоговейно жмурясь, подошел к

столу, но притронуться к сабле не решился. Таращился на нее во все глаза, разве что ей не кланялся.

– Вы интересуетесь саблями? – спросил я.

– Der Sabel! – опять повторил он, начиная пятиться к выходу.

– А что такого в моей сабле? – попытался я удержать его в комнате. То, что сабля очень старая и необыкновенно ценная, я знал и без него, но такое мистически благоговейное отношение к ней было совершенно непонятно.

Однако библиотекарь вновь забыл русский язык и, бормоча свое: «данке шён» и «ауф-видерзеен», торопливо вышел из комнаты.

– Это кто у тебя был? – спросил, входя в комнату, предок и ошалело огляделся по сторонам.

– Библиотекарь, взял книгу на экспертизу.

– Станный тип, я его где-то, кажется, встречал. Ничего он толком не знает.

– Кто ничего не знает? Библиотекарь?

– Какой библиотекарь? Ты про кого меня спрашиваешь? – удивился Антон Иванович.

Судя по всему, он уже так набрался, что на ходу забывал, о чем только что говорил.

– Кто ничего не знает? – повторил я.

– Твой волхв Костюков. Всё рассказал, и что влюблюсь, и что женюсь, а имени так и не назвал.

– Может, ему тебе еще нужно было нагадать сумму приданного?

– Приданное будет пустяшное. А девушка сирота, живет у богатой тетки. Костюков говорит, что она и без приданного будет для меня хороша. Ясное дело, стану я абы на ком жениться!

– Когда свадьба-то? – серьезно спросил я.

– Ты что, мы же еще даже не знакомы!

– А, ну тогда ладно, я-то подумал, что у вас все решено.

– Опять шутишь, едкий ты человек! Ничего святого за душой. Это, между прочим, возможно, будет твоя прапрабабка! Мог бы серьезней отнестись!

– Как только познакомлюсь – паду к ногам!

– То-то, увеселитель ты наш! Ну что, давай еще по лафитнику «Шартреза» или лучше по-простому водочки? Скоро ужин будут подавать.

– Вот тогда и выпьем, ты и так уже подшофэ.

Антон Иванович спорить со мной не стал и ушел к себе пить в одиночестве.

Я же прибрал саблю с глаз долой и от греха подальше, подсунул ее под доски, на которых крепились пружины кровати, и отправился навестить Ивана с волхвом.

Последний медленно выздоравливал после полугодового заключения в жутких условиях и требовал медицинского наблюдения. Мои приятели прилично устроились в «черной» половине гостевого особняка, предназначенной для личных слуг гостей и, как мне показалось, вполне наслаждались праздной, сытой жизнью.

– Что там с нашим рыдваном? – спросил я Ивана.

– А что с ним может быть, чинят.

– Не знаешь, сколько времени провозятся?

– Работа там серьезная, пока балку под новую ось найдут, пока обработают. Да ты, ваше благородие, не суетись, поспеем мы в Питер вовремя. Ничего твоей Алевтине у царя-батюшки плохого не сделают, чай, не в туретчине живем, а в Российской империи!

Я удивленно посмотрел на дезертира убежавшего из полка от незаслуженного наказания шпицрутенами – чего это его потянуло на ура-патриотизм. Глазки у солдата оказались масляными и умильными. А ослабевший в неволе Костюков, по слабости здоровья, вообще был пьян в лоскуты, бессмысленно таращился на меня оловянными глазами.

– Понятно, какое у вас тут гадание было! Закусывать нужно, когда столько пьете. Иван, у меня к тебе просьба, если я не смогу сам – поторопи кузнецов.

– Незачем никого торопить, – вмешался в разговор волхв, до того лишь бессмысленно глядевший то ли в пространство, то ли в вечность, – не найдешь ты жены в той столице.

– Вы о чем, Илья Ефимович, – удивленно спросил я, – а где же тогда я ее найду?

– Во тьме времен, – ответил Костюков каким-то механическим голосом.

– Ладно, ребята, вам, по-моему, не мешает отоспаться. И где эта «тьма времен»? – не удержался спросить я пьяного волхва, выходя из комнаты.

– Когда будет нужно, тебя оповестят.

– Ну, тогда всё в порядке, буду ждать.

Глава четвертая

Только я лег спать, как за мной пришел управляющий Карл Францевич. Он, было видно, и сам только что встал с постели и выглядел не как днем – комильфо.

– Ради бога, извините за беспокойство, Алексей Григорьевич, но наша страдалица только что проснулась и просит вас. Не сочтите за труд...

– О чем вы говорите, барон, я сейчас только соберусь.

Последние дни в пути я хорошо высыпался, так что никаких сложностей в ночном бдении для меня не было. Тем более что таинственная графиня меня интересовала. Фон Герц деликатно вышел из спальни, давая мне возможность встать и одеться. Впрочем, туалет у меня никогда не занимал много времени. Через пару минут я был готов, и мы отправились к знакомому торцу дворца, откуда был прямой вход в опочивальню графини.

Как и в прошлый приход, управляющий довел меня только до входа в покои и вернулся назад. Встретила меня не давешняя камеристка, а другая девушка, значительно старше – хотя рассмотреть ее в свечном освещении было мудрено.

– Что с Зинаидой Николаевной? – спросил я. – Ей хуже?

– Она долго спала, а когда проснулась, послала за вами, – ответила девушка с немецким акцентом.

– Проводите меня.

Барышня в точности так же, как и ее отсутствующая товарка, бесшумно открыла дверь спальни и провела меня в совершенно темную комнату.

Я добрался до кровати, нащупал знакомый пуф и сел в изголовье.

В комнате по-прежнему навязчиво пахло духами, и было душно.

– Как вы себя чувствуете, графиня?

– Лучше, – прошелестел нежный глосс, – только очень болит голова...

– Я же велел вам проветрить спальню, – с легким раздражением сказал я. – Если вы не хотите слушаться, то зачем обращаетесь за помощью.

Скорее всего, барыня к такому тону не привыкла и когда отвечала, голос ее обиженно дрожал:

– Как вы не понимаете, мне так плохо! И как можно было открывать окна, когда на улице солнце, я этого не вынесу! Вы, вы так жестоки!

– Сейчас солнца нет, так что вам нечего опасаться. Прикажите проветрить комнату, иначе мне здесь делать нечего.

– Ах, как хотите, ладно, пусть! – проговорила умирающим голосом графиня. – Аглая! Подите сюда!

Понятно, что девушка, которая находилась в соседней комнате, за притворенной дверью, ничего не услышала.

– Аглая! – громко позвал я. – Идите сюда! – Испуганная камеристка проскользнула в спальню.

– Принесите свечу и откройте окна! – приказал я.

– Как можно! Запрещено-с, барин, – испуганно ответила она.

– Ах, Аглая, делайте, как доктор велит, – умирающим голосом сказала графиня, – мне теперь уже всё равно!

– Но, – опять попыталась возразить камеристка, – ваше сиятельство...

Я не стал слушать возражения, принес из соседней комнаты свечную лампу, отдернул гардины и с треском распахнул заклеенное бумагой окно. Сразу стало легче дышать. Спальню осветила яркая, почти полная луна, и я с интересом посмотрел на «страдалицу». Зинаида Николаевна лежала, крепко зажмурив глаза. Она была укрыта до горла пуховым атласным одеялом,

голова утопала в подушке. Толком разглядеть ее при таком освещении мне не удалось. Аглая с ужасом наблюдала за моими действиями, покорно опустив руки.

– Вы можете идти, – отправил я ее вон из комнаты.

Трагически всплеснув руками, девушка поспешно выскочила в дверь.

– Вот теперь давайте разговаривать, – миролюбиво сказал я, усаживаясь на свой пуфик. – У вас, сударыня, нет никакой опасной болезни, но если вы хотите себя уморить, это ваше дело.

– Но мне так тяжело! Я так больна! – слабо возразила хозяйка.

– Потому и больны, что не дышите свежим воздухом и не встаете с постели. Сейчас я вас осмотрю и попытаюсь помочь.

– Какой вы, доктор, грубый и сильный, – задыхаясь, прошептала женщина. – Тот дивный запах был от вас?

– Это вы о чем? Впрочем, не знаю, здесь было жарко.

– От вас пахло пылью, травой, солнцем и сильным мужчиной, – шептала она, не слушая моих неловких оправданий, – это было упоительно! – Глаза женщины были закрыты, и говорила она словно в бреду. – Я знаю, я чувствую, что скоро умру...

– Всё, – прервал я, – о смерти хватит. Сейчас я вас осмотрю, и буду лечить. В двадцать пять лет просто так не умирают, для этого нужно очень постараться.

– Я боюсь света...

– Вам смотреть незачем, закройте глаза и расслабьтесь, как я вас учил. И стесняться меня не нужно, я – врач.

– Я не стесняюсь, – ответила графиня.

– Тем более, – безразличным тоном сказал я и убрал в сторону одеяло, в которое куталась Зинаида Николаевна.

Она оказалась в тонкой, полупрозрачной батистовой ночной сорочке, под которой угадывалось тело.

– Сейчас я послушаю ваше сердце, – сказал я, припадая ухом к ее груди. Женщина прерывисто вздохнула.

– Не дышите, – попросил я. – Ничего страшного у вас нет, погуляете для моциона недельку по полям и будете совсем здоровы...

Остальной осмотр занял совсем немного времени. Всё что я мог – это послушать легкие и провести пальпацию на предмет, нет ли у нее каких-нибудь опухолей и патологических отклонений от нормы. На мой взгляд, единственное, чем была по-настоящему больна молодая женщина – это атрофия мышц. Многодневное, если не многомесячное лежание в запертой комнате могло подорвать самое богатырское здоровье.

– Сколько времени вы больны? – спросил я.

– Давно, уже больше года.

– И всё это время провели в постели?

– Да, конечно, как же иначе.

– И кто вам такое посоветовал?

– Ко мне ездил один доктор. Он очень беспокоился за мою жизнь и приказал беречься. Он очень опытный доктор, и его все хвалят.

– Кто это все?

– Кажется, Карл Францевич, и еще... Я уже не помню.

– Понятно.

– Теперь я буду вас лечить и останусь с вами на ночь. До утра, – поправился я, чтобы мои слова не выглядели слишком двусмысленно.

– А как же вы будете спать?

– Ничего страшного, полежу на диване. Теперь сосредоточьтесь и ни о чем не думайте.

Я расслабил мышцы, дал им отдохнуть, потом поднял руки над телом графини и начал свое фирменное лечение.

Хватило меня всего на пять минут. После чего руки опустились сами собой. За это время я так устал и вспотел, что Зинаиде Николаевне моих ароматов должно было хватить до самого утра. Впрочем, она через минуту уже крепко спала. Я кончил свои пассы, добрал до маленького, изящного дивана, стоящего у стены, и лег на него, поджав ноги едва ли не до подбородка.

Мышечное и нервное напряжение во время сеанса терапии, новые ощущения от общения с Закраевской отбили сон, и я долго безуспешно мостился на коротком ложе, пытаюсь подремать. В голову лезли всякие мысли, от пьяного пророчества волхва, до странного положения графини, словно бы запертой в этой темной, ароматной камере. Как всегда, когда появлялись сомнения на чей-то счет, мозг начинал выделять и систематизировать информацию, выстраивая ее в понятную систему. Однако фактов о возможном заговоре против богатой помещицы пока было мало, разобраться в хитросплетениях сложных отношений в поместье по ним было невозможно, и я решил подождать делать выводы.

Камеристка Аглая после того, как я выставил ее из спальни, больше не появлялась, не заглянула даже узнать, почему я остался на всю ночь и что делаю с ее хозяйкой. Закраевская спала, неслышно дыша, и мне пришлось несколько раз встать, чтобы проверить, жива ли она.

Промучившись до рассвета, я всё-таки уснул и проснулся, когда в комнате было уже светло. Графиня лежала в той же позе, что и уснула. Будить ее не было никакого резона. Я встал с неудобного для сна дивана, подошел к распахнутому окну и размял затекшие конечности. Вернулся и рассмотрел спящую царевну. В доме была мертвая тишина, во дворе по-прежнему не было видно ни одного человека.

Я тихо вышел из спальни. Вместо ночной камеристки Аглаи, в сенях дежурила давешняя девушка с вздернутым носиком. При ближайшем рассмотрении у нее оказалось очень милое открытое личико, забрызганное светлыми веснушками, наивно распахнутые голубые глаза и слегка рыжеватые волосы, соломенного оттенка. Я разом забыл, зачем шел, остановился и приветливо с ней поздоровался.

– Вы уже сменили Аглаю? – спросил я. – Так рано?

– О! Ей ночью сделалось дурно, она даже упала в обморок! – ответила девушка, делая сочувственную мину. – Я здесь всю ночь.

– Что это с ней приключилось?

– О! Аглая такая чувствительная барышня, она очень переживает за графиню.

– Нужно было позвать меня, я бы мигом ее вылечил, – сказал я, не без двусмысленного подтекста. – Вы, я надеюсь, здоровы?

– О! Я всегда здорова, – ответила, смущенно улыбнувшись, камеристка. – Никогда ничем не болею.

Круглое «О!» усиленное округляющимися глазами, с которого она начинала каждую фразу, делало девушку еще милее и непосредственнее.

Я невольно рассмеялся от удовольствия разговаривать с ней.

– Вас как зовут, милое дитя?

– Наташа, – немного кокетничая, ответила она. – А вас?

– Меня Алексеем.

– Вот и познакомились, – засмеялась Наташа. – Как наша барыня? Ей лучше?

– Думаю, что скоро поправится. А вы давно при графине?

– Третий год.

– Она давно так больна?

– С зимы. Сначала простудилась, долго лежала в горячке, а потом вообще перестала вставать.

– Вы знаете, доктора, который ее лечил?

– О! Видела, когда он сюда приезжал. Такой солидный, представительный. Он немец, а я по-немецки не знаю, только немного по-французски.

– Везет вам, а я кроме русского других языков не понимаю, разве что немного немецкий и английский.

– Аглицкий? – переспросила Наташа. – Вы так странно говорите, как будто вовсе не русский.

– Это меня так няня в детстве научила разговаривать, многие удивляются, – соврал я, чтобы объяснить свой непривычный для внимательных собеседников выговор.

– Няня? А у вас не было гувернера?

– Нет, я из бедной семьи, какие там гувернеры.

Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь.

– О! Как вы смешно говорите!

– А почему графиня не живет со своим мужем? – как бы между делом спросил я.

– О! Он такой старый и страшный. Вот такой, – Наташа выкатила глаза, сгорбилась и развела руки в стороны. – Граф всё время болеет и лечится на водах.

– Зинаида Николаевна сама из бедной семьи?

– Нет, что вы, Алексей, она сама богатая, урожденная княжна Г., – девушка назвала известную княжескую фамилию, славную в российской истории.

– А почему ее выдали за старика?

– Не знаю, об этом у нас нельзя говорить.

– Фон Герц давно здесь управляющим? – задал я очередной интересующий меня вопрос.

– О, нет, не очень. Несколько лет. Его старый граф прислал. Он очень строгий, его в имении все боятся!

– Вы тоже?

– О, да, – просто ответила Наташа, – он так на меня смотрит...

Ну, на такую девушку «так» смотреть было не очень грешно. Очень уж была хороша ее здоровая, расцветающая юность. Разговаривать с Наташей мне было чрезвычайно приятно, к тому же без женского общества я порядком соскучился, однако ночь, проведенная в дамской спальне, «без санитарных удобств», не позволяла долее оттягивать встречу с укромным уголком имения. Потому, скомкав разговор, я, как ошпаренный, выскочил наружу.

В парке по-прежнему никого не было, и я удивился, когда и каким образом садовники умудряются приводить его в такой образцовый порядок. Спешно вернувшись в гостевой флигель, я, наконец, смог уединиться, после чего вернулся в свои покои и спросил набежавших слуг туалетные принадлежности и завтрак. Хотя графине и нравились резкие мужские запахи, особенно злоупотреблять этим не стоило.

Предок пока не объявлялся, видимо, спал после вчерашнего загула. Приведя себя в порядок и поев, я опять пошел к графине, проследить, как она будет реагировать после пробуждения на дневной свет и свежий воздух. К тому же следовало проконтролировать ее диету. Мне было пока не ясно, по какой причине ее загоняют в гроб, из-за господствующих в эту эпоху дурацких научных теорий, требующих для больных минимального контакта с «грубой» природой, или намеренно.

У входа в спальное крыло дворца, мне встретился управляющий. Барон был по-прежнему предельно доброжелателен и первым делом сообщил, как продвигается ремонт нашего рыдвана.

Работы осталось на день-два, так что послезавтра, по его словам, мы сможем продолжить свое путешествие. После этого зашел разговор о самочувствии хозяйки.

– Я очень беспокоюсь о здоровье Зинаиды Николаевны, – признался управляющий. – Не вреден ли ей свежий воздух? Она очень больна.

Я соорудил наивную мину и уверил его, что свежий воздух больной будет только на пользу.

– Вы, барон, вероятно плохо знакомы с последними достижениями медицины, – в Кильском и Лейпцигском университетах разработан новый метод лечения внутренних болезней активной воздушной средой.

Фон Герц, соорудив умную мину, внимательно слушал последние медицинские известия в моей вольной научной трактовке.

– А доктора Вюрцбургского университета настоятельно рекомендуют лунно-воздушные ванны! Я же лечу графиню по методу Гейдельбергского университета. Вы слышали об их теории?

– Как же, как же, только не очень отчетливо.

– Это очень интересная теория, как-нибудь я вам о ней подробно расскажу.

Спорить против достижений науки собственной родины фон Герц не осмелился, потому попытался найти вескую оговорку:

– Я, конечно, согласен с новыми научными теориями, когда дело касается германского воздуха. И всё-таки я боюсь, что Зинаиде Николаевне российский воздух может пойти во вред.

– Воздух, барон, – везде воздух, даже в Африке. Господь создавал землю не по границам государств, так что будьте благонадежны, теории германских врачей самые правильные и передовые!

Фон Герц соорудил уважительную гримасу и пообещал предельно ускорить ремонт кареты. После чего мы с ним сердечно распрощались. Я проводил его взглядом, злорадно представляя, как он неприятно удивится, если мы останемся еще на пару дней окончательно разобратся со здоровьем графини.

Камеристка Наташа искренне обрадовалась моему приходу, видимо умирала от скуки в одиночестве.

– Ну-с, что у вас нового? – спросил я докторским тоном.

– Зинаида Николаевна проснулись и позавтракали. Теперь отдыхают.

– Окна не закрыли?

Девушка смутилась и нерешительно кивнула головой, – понимай, мол, как хочешь.

– Я к ней зайду на минуту, – сказал я.

– Графиня просила ее не беспокоить.

– Наташа, здесь опять командовал барон?

Девушка незаметно кивнула и с беспокойством покосилась на дверь из комнаты, на которую я раньше не обратил внимания.

– Вы там живете? – тихо спросил я, проследив ее взгляд. — Там сейчас кто-нибудь есть?

Наташа молча кивнула. Подставлять девушку под гнев управляющего я не решился, похоже, у них здесь были очень не простые отношения.

– Что графиня ела на завтрак? – громко поинтересовался я официальным голосом, подмигнув девушке, что понимаю складывающиеся обстоятельства.

– Кофий и устрицы, – ответила девушка.

– Что? – поразился я. – Откуда тут устрицы?

– Не знаю, об этом нужно спросить на кухне.

– Ладно, пойду, узнаю. Кажется, я велел кормить больную бульонами и овощами! – нарочито громко, чтобы слышали в соседнем помещении, сказал я.

Что-то барон всё меньше делался мне симпатичен. Соленые устрицы, – а какие еще здесь могли быть? – не самая лучшая еда для доведенной до дистрофии женщины. Покинув покои хозяйки, я напрямую отправился разыскивать кухню. Так как спросить было не у кого, я подошел к часовым у входа:

– Где здесь кухня? – спросил я у одного из истуканов.

– Was Sie, Herr wollen? Ich verstehe Sie nicht, – ответил он мне по-немецки.

– Говоришь, что не понимаешь? Wo hier die Küche? – вырулил я ситуацию, с трудом подобрав немецкие слова.

– Die Küche in jenem Gebäude, – ответил немец, указав алебардой на здание в котором находилась кухня.

Я поблагодарил и пошел разбираться с поварами. Как я и думал, приказ накормить хозяйку устрицами отдал управляющий. Шеф-повар, не зная моего статуса и положения, был осторожен и хотел казаться нейтральным. После небольшой заминки даже согласился показать бочонок с устрицами, которые пошли на завтрак графини. В устрицах я не разбираюсь категорически, потому мог только проверить их на запах.

– Приготовь-ка ты, голубчик, – велел я шефу, и точно рассказал какие блюда и как ему нужно сделать. – И вели отнести хозяйке.

Повар таким простым заказом был крайне удивлен, но привычка к барским выкрутасам и выучка повиноваться без возражений не позволили ему раскритиковать мое меню.

– Чтобы через час всё было готово, – приказал я.

– Как скажете, барин, – ответил, кланяясь, он.

Разобравшись с диетой, я пошел проверить, как ремонтируется наш рыдван. Неожиданно у меня объявился попутчик – вчерашний библиотекарь.

– Гутен морген, гер доктор! – радостно приветствовал он меня, внезапно выходя из-за кустов.

– Здравствуйте хеер дер библиотекарь, – ответил я.

– Куда изволишь шествовать?

– В дорф, село, – ответил я.

– О, нам один путь! – обрадовался он.

Мы пошли вместе. Было заметно, что библиотекаря что-то тревожит. Он просительно поглядывал в мою сторону, несколько раз порываясь заговорить. Наконец его прорвало:

– Вы иметь ошень интересирт книга! – сообщил он.

– А то! – гордо ответил я. – Неинтересных не держим.

– Я иметь желать покупать ваш бух!

– Не просто бух, а гроссбух! – для порядка прибавил я.

– О, да – это есть гроссбух! Я давать за эта книга десять рублей ассигнацией! Это очень хороша цена, – добавил он, не увидев восторга на моем лице.

– Эта книга не продается, – ответил я, – тем более что я сам купил ее за две тысячи рублей серебром.

– Это не есть хорошо! Это неправильный цена!

– Известно, что русскому человеку хорошо, то немцу смерть! – порадовал я библиофила народной поговоркой.

– Смерть не хорошо! Двадцать рублей хорошо!

– Двадцать тысяч дашь, будем разговаривать, – ради спортивного интереса начал я торговаться.

– Нет, это не правильный цена. Правильный и последний мой цена пятьдесят рублей!

– Да мне за нее на аукционе Кристи пару лимонов баксов отвалят! Это же раритет! Библиографический уникум! А картинки какие – пальчики оближешь!

Немец ничего не понял, но запротестовал:

– Найн аукцион, давать сто рублей! Это мой самый последний цена!

Так мы и шли в сторону села. Библиотекарь к «самой последней цене» добавлял очередные пятьдесят рублей и призывно заглядывал мне в глаза. Я отвечал решительным отказом, ожидая, на какой сумме он, в конце концов, остановится. Когда предложение перевалило за тысячу, мне стало по-настоящему интересно. Это было слишком много за книгу во времена,

когда антиквариат и исторические реликвии еще не вошли в моду и не приобрели настоящую стоимость. За такие деньги можно было купить античную скульптуру известного мастера.

Постепенно цена поднялась до двух тысяч. На что я, кстати, опять отрицательно покачал головой. Теперь интерес для меня стоял даже не в самой книге, которая мне была не нужна, а в непонятном упорстве покупателя. Не знаю, какую зарплату он получал за свою работу, думаю не очень большую, и почему-то собрался отдать жалование нескольких лет за «Черную магию»!

Вдруг библиотекарь остановился на месте и воскликнул, едва ли не с отчаяньем в голосе:

– Я иметь предложение, от которого вы не иметь сил отказаться! Я вам давать пять тысяч рублей аргентум (серебром) и получать книга и магарыч ваша сабль!

Теперь мне стал понятен интерес странного немца ко мне, чернокожию и, главное, сабле.

– Ich will nicht diese der Sache verkaufen! – сказал я по-немецки. Не знаю, насколько правильно мне удалось построить фразу, но то, что я ничего продавать не буду, библиотекарь понял правильно.

– Ober, mein Gott! Ich bin umgekommen! – с отчаяньем воскликнул он и, круто повернувшись, ушел не прощаясь.

Я только пожал плечами и пошел своей дорогой. Кузница находилась с нашего края села и занимала часть мрачного кирпичного здания. Я прошел внутрь прокопченного цеха, иначе было сложно назвать просторное с высокими потолками помещение, где одновременно работали на трех горнах около двадцати человек рабочих. Тотчас ко мне подошел крупный человек с немецким лицом в кожаном фартуке и прихваченными сыромятным ремешком волосами.

– Вы по какому делу, мой господин? – спросил он на вполне понятном русском языке.

– Хочу посмотреть, как ремонтируют мою карету.

– О, бите, она скоро будет готова. Хеер барон лично распорядился. Извольте посмотреть.

Мы прошли вглубь цеха, и я полюбопытствовал, какими ударными темпами проводится ремонт. Сломанную ось делали заново из мощного дубового бруса, я удивился, каким образом могла поломаться прежняя ось. Мастер, давая мне возможность насладиться зрелищем труда и быстрых темпов, отошел распечь одного из рабочих. Я воспользовался моментом и спросил у русского подмастерья, где лежит наша прежняя ось.

– Во двор вытащили, лежит у плетня, – сказал тот, указывая рукой направление.

Тотчас подскочил мастер:

– Вас что-то интересует, мой господин?

– Хочу посмотреть нашу старую ось.

– Я сказал барину, куда мы ее оттащили, – вмешался в разговор подмастерье.

Кузнец вспыхнул, кольнул словоохотливого русского парня злым взглядом и прошипел сквозь зубы:

– Gene von hier aus, der Dummkopf weg! (Уходи отсюда, дурак!)

Эту фразу мы с подмастерьем поняли без перевода, тот мгновенно исчез, а я, поблагодарив мастера на его родном языке, пошел посмотреть, чем парень так прогневал шефа.

Лопнувшая балка была с немецкой аккуратностью утилизирована и лежала прикрытая рогожами. Я убрал их в сторону, и принялся рассматривать место слома. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что произошло. Ось самым элементарным образом перепилили пополам, не завершив операцию ровно настолько, чтобы она развалилась, когда рыдван пару раз хорошо потряхнет на колдобинах дороги. Налицо была чистая диверсия. Кому-то было нужно, чтобы мы застряли в этой местности.

– Что вы хотите наблюдать? – подойдя, спросил меня мастер.

– Элементарный интерес, – ответил я будничным голосом. – Накажу кучера, за то, что он плохо проверил карету.

– О, да! – оживился немец. – Русский мужик нужно много пороть!

– Яволь, мой фюрер! – ответил я, вставая с корточек.

– Dass solches? (Что такое?) – удивленно спросил мастер.

Я не ответил, приветливо ему улыбнулся и, пожелав всего наилучшего, покинул кузницу. Вообще-то улыбаться мне было не с чего. Теперь, когда связались многие факты, делалось ясно, что мы попали в очень неприятную историю. Нужно было что-то срочно предпринять, иначе нас здесь элементарно свинтят и не оставят никаких следов.

Выйдя за огороженную плетнем территорию кузницы, я спрятался за углом здания и попытался сообразить, что мне нужно сделать в первую очередь. Однако ничего придумать не успел. На дороге со стороны поместья показалось знакомое ландо. Его сопровождали два всадника. Пришлось юркнуть за угол здания, чтобы не попасться на глаза Карлу Францевичу.

Отступая вдоль глухой стены здания, я дошел до незапертых дверей. Дальше путь преграждал плетень, огораживающий территорию кузницы. Я ждал, когда гости проедут, чтобы незаметно ретироваться. Однако копыта застучали по сбитой земле не со стороны кузницы, а с моей. Чертыхнувшись, я проскользнул в приоткрытую дверь. За ней были обычные сени, из которых следующие двери вели внутрь дома.

Сказавши «А», пришлось говорить «Б»; стараясь не скрипеть петлями, я приоткрыл ее за собой. Облегченно вздохнув, я вошел в просторную комнату, служившую, скорее всего, подсобным помещением при кузнице. Вдоль стен стояли какие-то примитивные механизмы, с бревенчатого потолка вниз спускались веревочные блоки. Помещение освещалось через два небольших оконца.

Бегло оглядевшись, на случай, если придется отступать дальше, я понял, что здесь укрыться практически невозможно. Единственное укромное место, загороженный дощатой перегородкой угол, было занято лавкой, заваленной тряпьем.

«На черта мне пришло в голову прятаться», – рассердившись на собственную неловкость, подумал я, когда прямо перед окном остановилась лошадь, и послышались голоса.

– Заходите, сударь! – громко сказал кому-то фон Герц, и в сенях заскрипели половицы.

«Ну, надо же, идиот, нашел-таки приключение на свою голову!» – самокритично подумал я, заползая по грязному полу под лавку. Там было тесно, пыльно и воняло затхлостью.

Теперь, снизу, мне были видны только ноги. Их в комнату вошло разом несколько пар. Одни, в идеально отутюженных панталонах, принадлежали барону, вторые, в маленьких бальных туфлях, скорее всего, мажордому Александру Александровичу, сыну поэта. Вряд ли в имении мог оказаться еще один человек в такой странной для деревни обуви. Кроме этих двоих, половицами скрипели еще две пары толстых ног в грубых, мещанских сапогах.

– Позвольте, барон, зачем вы меня сюда привезли? – послышался удивленный голос мажордома Перепечина. – Мне сюда ехать нужды не было!

– Зато у меня была нужда, – холодно сказал Карл Францевич. – Потрудитесь рассказать, о чем вы вчера так долго разговаривали с приезжим лекарем?

– Что за допрос, барон, вы забываете, что я брянский дворянин и сын великого русского поэта!

– Отвечайте, Перепечин, иначе очень пожалеете, что рассердили меня. Вы знаете, что я делаю с послушниками!

– Позвольте, Карл Францевич, ни о чем таком мы с лекарем не говорили. Он, узнав мою фамилию, восторгался стихотворениями моего батюшки, великого русского поэта. Только и всего.

– Лжете, Перепечин, вы ему много чего разболтали. Теперь потрудитесь все вспомнить и мне пересказать.

– Ничего я ему не говорил! – плачущим голосом заныл сын поэта. – Не нужно меня пугать!

– Я вас не пугаю, пугать будет Емеля.

– Что еще за Емеля, не знаю никакого Емели, отпустите меня, ради Бога. Не забывайте, что я брянский дворянин!

– А ну-ка, помогите русскому дворянину вспомнить, что он наболтал пришлому шпиону! – приказал барон, как вскоре стало понятно, владельцам мешанских сапог.

Те приблизились к балетным туфлям, и последние, сделав в воздухе отчаянное антраша, исчезли из поля моего зрения.

Тут же раздался отчаянный, почти женский визг Александра Александровича.

– Подымай, выше, – сказал густой простонародный голос, – а то Емеля опять будет ругаться.

Только тепер я догадался, для чего служат веревочные блоки, свисающие с потолка.

– Заткните ему рот, – приказал Карл Францевич, вклиниваясь между воплей мажор-дома, – у меня в ушах звенит.

Вопль внезапно захлебнулся, и послышалось жалобное мычание.

– Позовите Емелю, пусть развяжет ему язык, – приказал Карл Францевич, и его ноги приблизились к лавке, под которой я лежал. Она хрустнула под тяжестью тела, а ноги в отглаженных панталонах свободно перекрестились, разведя в разные стороны блестящие носки башмаков.

Одна из двух пар мешанских сапог протопала к выходу и спустя минуту вернулась с большими, толстыми ногами в холщовых портках, обутых в стертые сыромятные онучи.

– Вот тебе, Емеля, работа, – сказал барон. – Только смотри, не перестарайся.

– А то! – откликнулся грубый звероватый голос. – Сами с понятием!

– Знаю я, с каким ты понятием! В прошлый раз тоже обещал с понятием, а сам форейтора до смерти замучил.

Емеля не ответил, а ноги его встали широко и устойчиво. Раздался короткий свист кнута и отвратительный звук удара. Меня всего передернуло, и я с трудом сдержался, чтобы не выскочить из-под лавки и не прекратить пытку. Мычание, слышимое до сих пор, как по команде прекратилось. Откуда-то сверху на грязный пол полилась струйка крови.

– Никак помер? – удивленно сказал палач. – Он, поди, хворым был, а теперича скажете, вашество, что опять я виноват.

– Не может того быть, чтобы умер, это он в обмороке. Сними его, как очнется, воды не давай, а раны солью посыпь и свяжи хорошенько. Я вечером приеду, с ним поболтаю.

Ноги в панталонах и сапогах задвигались по полу и в сопровождении онуч вышли в сени. Через пол мне было слышно, как затопали лошадиные копыта по земле.

Я выполз из-под лавки и встал на ноги, машинально отряхивая с себя пыль и паутину. Посередине комнаты безжизненно висел на вывернутых руках брянский дворянин.

Он был в окровавленной рваной рубахе. По модным, узким панталонам и балетным туфлям струилась кровь и капала на пол.

Возвращения палача можно было ждать каждую секунду.

Я огляделся в поисках чего-нибудь тяжелого. Подходящих предметов было много. Не раздумывая, я вытащил что-то вроде дубинки из одной машины и встал за входными дверями. Через минуту в комнату просунулась заросшая волосами голова. Она принадлежала какому-то огромному человеку, которому пришлось нагибать голову, чтобы войти в достаточно высокий дверной проем. Я размахнулся дубиной и опустил ее на гулко откликнувшийся череп. Емеля замычал и рухнул наземь, не издав ни звука.

Глава пятая

Спасителем быть приятно; чувствуешь себя если не героем, то вполне достойным человеком. Даже когда удается вызволить из рук негодяев ничтожного человека, брянского дворянина Перепечина. Однако для полного ощущения своего героизма необходимы определенные условия: овации и восхищенные зрители. Ничего этого в пыточном застенке, увы, не было. Было же два бездыханных тела, огромное, сопоставимое по габаритам с японскими борцами сумо, и мелкое, сына неведомого мне поэта. Что с ними делать дальше, я и думал, стоя в полном сомнении, посередине замусоренной комнаты.

Немного придя в себя от неожиданных событий, я первым делом запер на внутренний засов входную дверь. Теперь, по крайней мере, можно было не ждать неожиданных визитеров. Следующим моим шагом было освобождение с дыбы Перепечина, по-прежнему висевшего на вывернутых руках. Веревочный блок, с помощью которого его подвесили к потолку, оказался прост в эксплуатации, нужно было только освободить зашплинтованный ворот и, придерживая ручку, дать опуститься телу. Что я и сделал, после чего мажордом оказался лежащим на полу, рядом со своим палачом. Тот лежал ничком, не подавая признаков жизни.

Впрочем, оба, и палач и жертва, были живы. Первый уже приходил в себя, зашевелился, скребя короткими толстыми пальцами по полу. Снова ударить по голове беспомощного противника я не смог. Остался один вариант, подвесить палача на место Перепечина. Я освободил руки брянского дворянина от затяжных петель и затянул их на запястьях Емели.

Российская изобретательность в содружестве с немецким техническим гением создали великолепную, простую в эксплуатации и эффективную машину для пыток. Основана она была на принципе подвижного блока с двумя шкивами и ворота, на который наматывалась веревка. Самозатягивающиеся петли можно было надежно закреплять в любом месте руки. Чем ниже к ладоням, тем сильнее выворачивались руки и, соответственно, больше мучений должна была испытывать жертва.

Ввиду необыкновенной физической силы палача, я набросил петли ему на запястья. Емеля от прикосновения к своим рукам очнулся, поднял кудлатую голову и открыл мутные после «нокаута» глаза. Я отскочил к вороту и начал быстро его вращать, выбирая слабинку веревки.

– Ты – что? Ты – кто? – спросил палач вполне осмысленно, удивленно глядя на меня воловьими глазами.

– Дед Пихто! – ответил я скороговоркой, спеша намотать на ворот длинную веревку.

– Ты – как? – задал новый вопрос Емеля и, не дожидаясь ответа, неожиданно быстро вскочил на ноги и бросился в мою сторону.

При виде несущейся махины я внутренне дрогнул, но сумел подавить инстинкт самосохранения, не отскочил в сторону, а успел еще два раза провернуть ворот. Вероятно, для того, чтобы доставлять жертвам больше мучений, вал у ворота был тонкий и, соответственно, веревка наматывалась на него медленно.

Утробно ревущий мастодонт летел на меня, намереваясь разможжить о стену. Я сгруппировался, ожидая удара, но он не последовал. Емеля не достал до меня сантиметров пяти, коснулся холстиной рубахи и, отброшенный пружинящей веревкой, взыв, отлетел назад.

Я с бешеной скоростью закрутил ручку ворота. Веревка быстро навивалась на вал, не давая палачу приблизиться ко мне. Он, нечленораздельно ругаясь, теперь метался посередине комнаты, пытаясь достать меня ногами. Потом заорал от боли и заплясал на месте. Ручка блока сделалась тяжелой и пошла с трудом – это начался подъем тяжеленного тела.

– Убью! Жилы вырву! – грозился гигант, пугающе тараща глаза.

Я не отвечал, поднимая его всё выше. Вывернутые руки дошли до высоты плеч, и палач во все свои большие легкие заревел от боли. На такие жуткие крики неминуемо должны были сбежаться работники кузнецы, и я немного отыграл веревку назад. Емеля нащупал ногами пол, перестал вопить и вновь начал ругать меня, и грозить всеми возможными карами.

Я закрепил ворот шплинтом и, не обращая внимания на угрозы, начал искать, чем бы заткнуть ему рот. Перепечину он просто вогнал в рот тряпичный кляп. Однако проделать такое с гигантом я бы не решился – как нечего делать, откусит пальцы. Нужен был какой-нибудь мешок.

Я открыл ящик, странного сооружения, напоминавшего собой комод. Там в беспорядке, валялись какие-то пыточные приспособления. Разбросав эти заскоруждые от крови атрибуты заплочного ремесла, я нашел мешок из толстой кожи с продернутым ремнем по краю. Этого «приспособления», вероятно применяемого для пыток удушением, должно было хватить, чтобы значительно снизить емеляновские децибелы.

При том, что палач неустойчиво стоял на цыпочках, с надежно заломленными руками, подойти к нему спереди я не решился. Обошел со спины и набросил ему мешок на голову. Он попытался сбросить его, мотая головой и выгибаясь всем телом, но, понятно, не смог, а я затянул продернутый в петли ремень.

Теперь, когда с палачом вопрос решился, осталось заняться его жертвой. Брянский дворянин почти пришел в себя, и тихонько скулил, скорчившись на полу. Единственным ударом плети Емеля разорвал ему всю кожу на спине.

Этот «гуманный» инструмент наказания, постепенно приходящий на смену смертоносному, увечающему кнуту, лежал тут же. Состояла плеть из короткой деревянной рукоятки и плетива из кожаных ремешков в палец толщиной, и заканчивались двумя хвостами. Даже при взгляде на это «инструмент дисциплинарного воздействия», у меня засосало под ложечкой.

– Вставайте, Александр Александрович, всё плохое уже кончилось, – прикрикнул я на Перепечина, протягивая ему руку. – Не ровен час, вернется барон с подмогой!

Мажордом, смертельно испугавшись, тут же вскочил на ноги.

– Ради бога, защитите меня от этого человека! – затараторил он. – Вы же знаете, что я брянский дворянин, и они не смеют меня бить!

– Конечно, это само собой. Вы только расскажите, что происходит в имении?

– Ужас! Если бы мой батюшка знал, на какие муки он меня обрек!

– Кто такой барон? – перебил я, подозревая, что если Перепечин начнет рассказывать про своего батюшку, мы никогда не сдвинемся с мертвой точки.

– О! – начал он. – Это ужасный человек!

– Как он попал в управляющие имения?

– Не знаю, кажется, его прислал муж графини граф Евгений Пантелеевич. Я в имении не очень давно, несколько месяцев, мой батюшка... Это я вам уже говорил. А барон, он что? Он строг, это правда, только с народом иначе нельзя. Однако, что касается дворянства!..

– Много в имении людей, прибывших с ним?

– Я, право, затрудняюсь... Он графине не позволяет выходить из своих комнат, приставил к ней шпионов! – вспомнил одно из преступлений фон Герца, мажордом. – Объявил ее больной! А про вас думает, что вы шпионы. Меня он так и спросил, не шпионы ли вы! Так я ему гордо сказал – нет!

Было похоже на то, что этот болван больше ничего не знает. Оно и понятно, в этом мире сына поэта интересовали только два человека: он и его великий батюшка. Смотреть по сторонам и думать о других людях ему было элементарно неинтересно.

– Вы ведь защитите меня от барона? – заискивающе заглядывая мне в глаза, спросил Перепечин.

– Вряд ли, – ответил я. – Мне с ним не справиться. Вам придется самому добраться до ближайшего города и подать жалобу в полицию.

– Как же так, ведь мы с вами друзья, и как поклонник таланта моего батюшки вы должны всеми мерами способствовать!

– Я и так спас вам жизнь, – рассердился я. – Дальше спасайтесь самостоятельно.

– Но я, по крайней мере, могу посечь это животное, которое надругалось над моей честью? – неожиданно спросил мажордом, указывая на мычащего палача.

– Это сколько угодно.

Перепечин неожиданно просиял от удовольствия и, забыв про окровавленную спину, живо схватил в руку плеть. Я же начал внимательно осматривать комнату в поисках какого-нибудь оружия. Увы, тут не готовились к обороне и не запасли ничего подходящего для отражения противника. Всё, что попадалось под руки, имело чисто специальную, пыточную направленность.

Осмотрев комнату, я проверил сени и загородку, за которой, видимо, ночевал Емельян. Там тоже ничего стоящего не оказалось. Осталось осмотреть подполье, и можно было делать отсюда ноги. В подполье вел большой люк с мощным железным кольцом и засовом. Я его отодвинул и рывком поднял тяжеленный люк. Вниз, в глубину, вела каменная лестница. Пахло смрадом, как из выгребной ямы.

Я, пересиливая тошноту, спустился ступеней на десять вниз и, присев, оглядел обширный подвал, располагавшийся не только под пыточной камерой, но и под большей частью дома. Оказалось, что тут не просто подполье, а настоящая тюрьма. Сколько было видно в полутьме, у стен жались какие-то люди.

– Матерь Божья! – невольно воскликнул я. – Это еще что такое! Перепечин, идите сюда!

Однако мажордом почему-то не откликнулся, хотя сверху были слышны удары плетей и злобные смешки. Я спустился еще ниже и увидел несколько загодя приготовленных смоляных факелов, воткнутых в специальную доску с дырками, чтобы ими легче было пользоваться. Не пожалев кончающийся в зажигалке газ, я запалил один из них. Факел затрещал и начал разгораться. Теперь видно стало лучше, и я увидел страшное зрелище: мученически плененных людей.

– Барин, Лексей Григорьич, помоги, я здесь! – позвал знакомый голос.

– Ты кто? – спросил я, торопливо спускаясь в подвал.

– Это я, Петька! – ответил пленник, и я узнал голос дворового человека, того самого, что не смазал дегтем оси рыдвана.

Петр, как и остальные заключенные, был «забит» в деревянные колодки – две скрепленные между собой доски приделанные цепью к стене с отверстиями для шеи и рук.

– Ты как сюда попал? – задал я первый пришедший в голову, дурацкий вопрос.

– Опоили нас барин! Очухался уже здесь!

– Ты из наших один?

– Вон Семен-кучер лежит, он, видать, совсем сомлел, не откликается!

Люди при виде факела и незнакомого человека разговаривающего с одним из заключенных, оживились и начали проявлять признаки жизни.

– Водички подай, добрый человек! Помираю! – попросил сосед Петра, по прическе крестьянин, поворачивая в нашу сторону голову в тесном ярме.

Я растерялся, не зная, как поступить. С колодками я еще никогда не имел дела и не знал, как освободить из них пленников.

– Сейчас, подождите, я вам помогу, – суется, ответил я и начал светить вдоль стен в поисках хоть какого-нибудь инструмента, с помощью которого можно их вызволить.

– Перепечин! – опять крикнул я наверх. – Идите сюда!

Однако тот опять не откликнулся. Понимая, что от него пользы в любом случае не будет, я вернулся к Петру и осветил его колодку. Сделана она была крайне примитивно. С одной стороны торцы доски соединялись петлей, с другой их замыкал навесной замок. Сами они были широкие и довольно толстые, больше вершка, замки же висели на прибитых простыми гвоздями проушинах.

– Сейчас я что-нибудь найду, чем вас освободить! – пообещал я.

– Барин, ключ от замков на стене висит, возле лестницы, – неожиданно решил за меня сложную проблему Петр.

– Что же ты сразу не сказал, – воскликнул я, бросаясь к указанному месту.

Действительно, на вбитом в стену костыле висел ключ. Я снял его и вернулся к узникам.

– Держи факел, – велел я дворовому, вкладывая в его торчащую из колодки руку древко свечка.

Отпереть примитивный замок оказалось очень просто. Освободившийся Петр первым делом бросился к кадке с водой, жадно, со свистом и чмоканьем напился, потом вернулся ко мне, помогать освобождать остальных узников.

Теперь дело пошло быстро, и вскоре колодки были сняты со всех заключенных.

Однако тут же возникла еще одна проблема, четверо узников были без сознания. Разбираться, кто из них жив, у меня не было времени, нужно было уносить отсюда ноги. Если вдруг вернется фон Герц и позовет на подмогу рабочих кузницы, то у нас, без оружия, с ослабленным, еле передвигающим ноги воинством, шансов справиться с кучей здоровых ремесленников не было никаких.

– Выносите раненных наверх! Никого оставлять нельзя! – распорядился я, когда утолившие жажду люди начали подтягиваться к лестнице ведущей наверх. – Петро, командуй, я буду наверху!

Мой мажордом до сих пор никак не проявлял себя, и у меня появились сомнения, не освободился ли часом наш Емельян. Выбираясь из влажной вони подвала по лестнице наверх, я осторожно высунул из люка голову, чтобы ненароком не получить дубиной, но теперь по своей голове.

Одного взгляда было достаточно, чтобы успокоиться. Нападать на нас было некому. Отвратительное зрелище, представшее перед глазами, способно было вызвать не страх, а тошноту.

Чуть в стороне от края люк, на полу растекалась лужа черной крови, смешанная с экскрементами. Емельян, совершенно голый, если не считать кожного мешка на голове и онуч – кусков кожи, привязанных к ногам, весь залитый кровью, безжизненно висел на вывернутых руках. Между его бедрами был зажат мажордом с широко раскрытым ртом и вылезшими из орбит глазами. То, что оба мертвы, видно было с первого взгляда, но причина их гибели стала ясна, когда я выскочил из подпола и подбежал к ним.

Чуть в стороне от трупов валялось несколько окровавленных пыточных инструментов: серповидный, типа садового нож, большие клещи с длинными ручками и непонятного назначения кривая, с заостренным концом железяка. Тело палача было изрезано и разодрано чем-то острым, а под ним лежал кровавый ком оторванных или отрезанных гениталий.

Похоже было на то, что пока я возился с пленниками, брянский дворянин вполне наслаждался местью за свою поруганную честь и, возможно, тщедушное телосложение. Как он умудрился за какие-то пятнадцать минут практически освежевать такого гиганта, как Емельян, было непостижимо. Судя по положению тела мажордома, во время оскотления палача он потерял осторожность, и Емеля, повиснув на вывернутых руках, сумел обхватить его грудь ногами и в буквальном смысле слова раздавить бедрами и коленями, как цыпленка.

– Господи, прости и помилуй, – крестились при виде обезображенных трупов вылезающие из подвала узники.

Вид у большинства был самый жалкий. Что делать с этими ослабленными, плохо держащимися на ногах людьми, я не знал. Отсрочивая принятие решения, я освободил от стопора подъемный ворот и опустил тела обоих взаимных убийц на окровавленный пол, потом прикрыл всё это безобразие лежавшим на лавке тряпьем. Пока я возился с погибшими, у меня появилась мысль, что было бы самым правильным помочь освобожденным крестьянам укрыться в ближайшем лесу. Это дало бы бесправным людям хоть какой-то шанс на спасение.

– Я сейчас пойду, посмотрю, что делается на улице, – сказал я Петру.

Он находился почти в нормальном состоянии и, вообще, оказался сообразительным парнем – организовал остальных заключенных, и они без особого труда и толкотни вытащили наверх товарищей, находящихся без сознания.

– Возьми меня, барин, с собой, – попросил он, – а то я покойников боюсь.

Я неопределенно пожал плечами, брать его с собой было собственно некуда; посмотрел в окно, нет ли перед зданием «гостей», и пошел в сени. Дворовый двинулся следом. Мы выглянули наружу. Только теперь стал слышен звон молотков о металл – в кузнице работа шла своим чередом. Видимо, крики внутри нашей половины здания были там не слышны и никого не встревожили. Я, не таясь, вышел на большую дорогу.

– Как ты думаешь, они смогут незаметно добраться до околицы? – спросил я Петра.

Мы осмотрелись. В идеале, перебежками пробежать метров двести до конца села, и столько же через луг до леса было можно, но только не такой большой группе. Незнакомых людей неминуемо заметит кто-нибудь из местных жителей, поднимет шум, и неизвестно, чем всё это кончится.

То, что у барона есть реальные силы, можно было судить уже по наемникам-немцам, охранявшим имение. Эти люди не знали русского языка, ничем не были связаны с местным населением и, скорее всего, вынуждены будут верно, служить своему хозяину. С другой стороны, как у любого тирана и узурпатора, у него непременно должна быть оппозиция, вот только как с ней встретиться и столкнуться!

На маневры у меня просто не было времени. Как только барон обнаружит освобожденных узников и убитого Емелю, связать мое посещение кузницы с последующими событиями в сопредельном помещении для него будет не сложно. Понимая, что я узнал о его незаконных действиях, барон предпримет всё от него зависящее, чтобы убрать если даже не прямого противника, то опасного свидетеля.

– Нужно предупредить твоего барина и Ивана, что барон убийца, – сказал я. – Только как это сделать? !

– Так я сбегаю, – предложил Петр, – упрежу, делов-то.

– Тебя сразу узнают и снова схватят.

– А я тихонечко, бочком. К большой избе, в которой мы жили, тайная тропка есть.

– Что за тропка? – удивился я. – Откуда ты здешние тропки знаешь, мы же только третьего дня как приехали.

– Не господское дело в такие дела входить, – неопределенно сказал Петр. – Будет нужда, все как надо узнаешь.

– К девкам, что ли бегал, или за водкой? – Петр только хмыкнул и ухмыльнулся.

– Ладно, можно попробовать, а с этими что делать? – я мотнул головой в сторону здания со спасенными узниками.

– Пусть посидят, запершись, вон какие двери-то крепкие, дубовые, железом окованные! Поди, до них так просто не добраться!

– Здесь рядом кузница, захотят открыть, молотами двери разобьют, – усомнился я и подумал, что в словах парня есть рациональное зерно. – Пошли назад, поговорим с народом. Всё равно другого выхода у нас нет.

Мы вернулись в пыточную камеру, не забыв запереть за собой дверь. Заключенные уже немного отошли от стресса и выглядели веселее. Четверо беспамятных, среди которых был один наш – Семен, ожили и сидели рядом на единственной лавке. Мужики о чем-то спорили.

– Барин вернулся, тише вы, – прикрикнул на расшумевшихся товарищей крестьянин средних лет с седым клином в окладистой бороде.

– Послушайте, мужики, – заговорил я, когда все замолчали, – бежать отсюда не получится, до околицы сотня сажен, а до леса столько же – заметят, всех переловят.

На мою информацию никто не отреагировал, ждали, что я предложу.

– Выход один, – продолжили, – вам нужно запереться в доме. Если же ее сумеют сломать, то спрячетесь в подвале, как будто вы оттуда не выходили. Если обойдется – как стемнеет, уйдете в лес.

– А кто же дверь затворил, коли мы сидим в подполе? – задал резонный вопрос мужик со смышленным лицом. – Не они ли? – он указал взглядом на кучу кровавого тряпья посередине комнаты.

– Пусть думают, что они. Когда будете прятаться в подвал, уберите тряпки, как будто они только что друг друга поубивали.

– Оченно это сомнительно, барин, – возразил один из заключенных. – А вдруг как не поверят?

– Не нравится, придумай что лучше. Можешь опять колодки на себя надеть.

– А как бы чего по-другому удумать!

– Правильно добрый человек говорит, – выдвинулся вперед изможденный человек с крупными, рельефными чертами лица. – Думай, не думай, а осаду нам держать легче, чем от всего села по лесу бегать. Враз споймают и управителю сдадут. А тот никого не пожалеет!

– Я пока не знаю, как, но постараюсь вас выручить, – пообещал я.

– Да, ты уж, барин, постарайся, – загудели голоса. – Выручил раз – выручай далее.

– Всё, нам пора. Мы уходим, а вы запирайтесь. Бог вам в помощь, – сказал я и поклонился обществу.

Мне поклонились в ответ, потом мужики начали креститься сами и крестить нас с Петром.

– Бог вам в помощь! Уж ты, барин, не обмани, постарайся! – напутствовали нас голоса.

Наконец мы со всеми распрощались и вышли наружу. На большой дороге, как и прежде, не было видно ни людей, ни подвод. Как будто народ боялся высунуть нос из домов, чтобы не нарваться на неприятности. Не заходя в село, мы повернули в сторону имения. Сначала шли трактом, когда оказались в «нейтральной зоне», вне видимости со стороны села и имения, сошли на обочину и двинулись лугом и опушкой леса, укрываясь за кустарником.

– Где тайная тропка, о которой ты давеча говорил?

– Какая тропка? – с деланным удивлением спросил Петр.

– Та, которой ты собирался скрытно пробраться в наш дом.

– Тебе, барин, по ней не пройти, там умение нужно.

– Как-нибудь пройду, не хуже тебя! А ты заметил, что ни в имении, ни в селе совсем не видно людей?

– Понятное дело, все прячутся, – ответил парень, невесело ухмыльнувшись, – управитель кого поймает без дела или вообще на глупости – сразу на правеж ставит, под плеть, а то и в яму в колодки. Он порядок уважает, одно слово – немец! Эти, которые со мной сидели, половина местные, за всякий пустяк муку примали. Один вообще за пустяк попался, велико дело, с музыкального ящика гладкую доску снял, телегу поправить, так за такое мелкое дело под плети и в колодки! Это где такое видано? А уж коли косо взглянешь или как по-другому не пофартись, то всё – со света сживет!

– Понятно, – согласился я, – оторвал мужик от рояля крышку, телегу исправить – великое дело! А ты знаешь, что в любом деле без порядка нельзя? – завел я бестолковые барские нравоучения. – Вот ты не смазал оси у кареты, они и полопались. Это что, хорошо? Конечно, изуверствоваться как фон Герц негоже, но и когда человек в понятие не входит, себя не исполняет, тоже нехорошо, – попытался заступиться я за абстрактное понятие порядка расхлябанным и неточным крестьянским языком.

– Ну, чего вы все ко мне пристаёте с этим дегтем, – неожиданно вспыхнул Петр. – Ось не от дегтя лопнула, а потому как Пахом ее ночью подпилит, – сердито закончил он.

– Зачем же ему ее было подпиливать? – удивленно спросил я. – Его что, за деньги подкупили?

– Не, – усмехнулся Петр, – какие такие деньги, кто за глупость платить будет. Проиграл он Семену в бабки, а тот и задал ему задачу, за ночь дубовое бревно перепилить.

– Ты это серьезно? – глупо улыбнулся я, понимая, что никогда не смогу найти общий язык с нашим загадочным народом. – В бабки проиграл ось?

От этого сообщения рушилась вся моя стройная схема коварного заговора, так точно укладывающаяся в прокрустово ложе детективной теории.

– Это что же за игра у вас такая?

– Не в бабки он ее проиграл, – недовольный собой, что сгоряча заложил товарища, объяснил спутник. – Пахом сам сделал пилу и начал хвастать, что такой второй на всём свете не сыскать. Она, говорит, хоть что перепилит, хоть дуб вековой. А как проиграл он Семену в бабки на пожелание, по-вашему, по-барскому, в фанты, Семен-то и повелел ему егойной пилой дуб спилить.

– А зачем ему надо было карету-то портить?! – почти с мистическим ужасом спросил я.

– А где ему в поле, где ночевку делали, было дуб найти? Ему для форсу, чтобы пилу оправдать, твердое дерево нужно было. А уж коли проиграл – сполняй! Так он всю-то ноченьку без сна под каретой-то лежал, пилой скрябал. Руки в кровь изодрал, а всё одно до утра дело доделать не успел! Теперь он как есть проигравший!

Я вспомнил Пахома, услужливого тридцатилетнего мужика с детской улыбкой. Он первый брался за любое дело, и всё буквально горело в его руках. Он мог не то что перепилить ось, – а целиком карету.

– Так, – уныло сказал я. – Получается, это не барон нам карету испортил!

– Зачем ему было ее портить, он мужчина строгий, хозяйственный, одним словом, немец!

– Тогда, – начал я говорить и замолчал, чтобы не нарываться на новые перлы непрогнозируемой народной мудрости.

Тогда всё получалось ровно наоборот. Барон, оказавший помощь путникам, узнает от соотечественника-кузнеца, ремонтирующего рыдван, что авария была нами самими спланирована, вероятно, для того, чтобы найти повод попасть в имение Закраевских.

Один из путников, под видом врача, проникает к графине, которую держат в заточении, и начинает вести с ней какие-то переговоры.

Этот же псевдоврач, лечащий не лекарствами, а «руками», заводит знакомство с болтливым мажордомом и что-то долго у него выпытывает. Что остается думать барону? Одно. К нему посланы шпионы. Тогда он похищает их дворовых людей, чтобы под пытками выведать у них планы господ.

В эту схему укладывалось почти все, что происходило последнее время, кроме, пожалуй, необычного интереса библиотекаря к книге о черной магии и к сабле, похищенной мною у сатанистов. Впрочем, одно другому не мешает – наше столкновение могло быть неожиданной, фатальной случайностью для обеих сторон.

Что мне делать теперь дальше, я не знал: идти к барону открыться – было опасно, с его жестокостью и мнительностью можно было загреметь безо всяких фанфар, а если начать прятаться – это укрепит его во мнение, что мы «шпионы».

Я начал всерьез беспокоиться за судьбу спутников, оставшихся в гостевом доме.

Когда я уходил, они еще отсыпались после крутого вчерашнего загула, и справиться с ними мог и младенец.

– Нам нужно незаметно попасть в гостевой дом, – сказал я Петру.

– Велика задача, только я за тебя опасаюсь, как ты не крестьянского происхождения – не пройди тебе.

– Почему это ты можешь пройти, а я нет? – удивился я.

– Как на тебе аккурат барское платье, а дворовые люди лаз для простого звания копали – порты-то и изорвешь.

– В дом есть подземный ход? Для чего?!

– От строгости управителя. Как он за порядком присматривает и чуть что в колодки сажает, а дворовым когда нужда есть по своим надобностям – то и ползут. Только узко там, на брюхе ползти требуется. А ты как в барском платье, тебе то будет не лестно.

– Действительно, – согласился я, глядя на свою одежду, существующую в единственном экземпляре – Платье мне жалко.

– Да и не пройти тем ходом по свету, враз заприметят. Дворовые лаз-то не длинный прокопали, поленились. Лишь до кустов диковинных. Ночью-то что, от хором не видно, а по дневному свету сомнительно.

– Так что же нам делать? Ждать темноты?

– У кумы можно посидеть, да и новости она скажет.

– Погоди, у тебя что, кума здесь есть?

– Наше дело молодое, – обиняком ответил Петр. – Она, конечно, не по родственности кума, а так, одново, баба справная, вдовая – ей тожеть мужеская ласка требуется.

– Ну, ты даешь! – удивился я такой половой прыти и впервые посмотрел на Петра, как на объект женской привязанности. С этой точки зрения был он вполне интересен: коренастый, кудрявый, с аккуратной русой бородкой и ласковыми, особенно теперь, когда заговорил о женщине, глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.